

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫХОДЯТЪ ТРИ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію, съ доставкой и пересылкой, 6 руб.

Адресъ Редакціи: г. Полтава, Полтавская Духовная Семинарія.

Высочайшія награды.

Списокъ лицамъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы, къ 6-му числу мая 1899 года, за заслуги по духовному вѣдомству, медалями съ надписью „за усердіе“.

Для пошенія на груди на Станиславской лентѣ церковные старосты церквей: села Чревокъ, Лубенскаго уѣзда, казакъ *Іаковъ Корніенко*, с. Ярошей, Кременчугскаго уѣзда, казакъ *Стефанъ Степаненко*, с. Надеждина, Константиноградскаго уѣзда, крестьянинъ *Макаръ Ахтырскій*.

Для пошенія на шею золотую на Станиславской лентѣ церковный староста Покровской единовѣрческой церкви г. Кременчуга, Кременчугскій 2-й гильдіи купецъ *Никифоръ Дронозь*.

Серебряною на Станиславской лентѣ: церковный староста тюремной Всѣхъ Скорбящей радости церкви г. Полтавы мѣщанинъ *Василій Педаничъ*; церковный староста Покровской церкви с. Лучки, Гадячскаго уѣзда, казакъ *Евѣимій Малышъ*.

I.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 7 мая сего года за № 2553, постановлено, согласно ходатайству Полтавскаго Епархіальнаго Начальства, существующую при Вознесенской церкви г. Ромень вакансію діакона уразднить

II.

Архіерейскія служенія.

25 мая, вторникъ, Его Преосвященствомъ Иларіономъ, Епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ, совершена Божественная литургія въ Елисаветинской церкви Полтавскаго института благородныхъ дѣвиць; послѣ литургіи Преосвященнымъ съ градскимъ духовенствомъ отслужено молебствіе по случаю дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Того же числа Преосвященнымъ Епископомъ Филиппомъ совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ; послѣ литургіи Преосвященнымъ съ духовенствомъ отслужено положенное молебствіе.

26 мая, среда, Его Преосвященствомъ Филиппомъ, Епископомъ Прилукскимъ, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ Каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ; послѣ литургіи Преосвященнымъ Иларіономъ отслужена панихида по случаю празднованія дня столѣтія со дня рожденія поэта Пушкина.

27 мая, четвергъ. Его Преосвященствомъ, Епископомъ Иларіономъ, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ Успенскомъ Каѳедральномъ соборѣ на которой возведенъ въ санъ протоіерея священникъ Свято Духовской церкви м. Царичанки, благочинный Кобелякскаго уѣзда, о. Арсеній Рудичевъ; послѣ литургіи Преосвященнымъ съ духовенствомъ отслужено молебствіе.

Того же числа Преосвященнымъ Епископомъ Филиппомъ

совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, на которой рукоположень во діакона псаломщикъ Архистратіо-Михайловской церкви с. Заѣзда, Прилукскаго уѣзда, Димитрій Владышевскій.

30 мая, воскресенье, Его Преосвященствомъ Иларіономъ, Епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ; послѣ литургіи Преосвященнымъ съ градскимъ духовенствомъ отслужено молебствіе о бездождіи.

Того же числа Преосвященнымъ Филиппомъ, Епископомъ Прилукскимъ, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, на которой рукоположень во діакона псаломщикъ Троицкой церкви с. Демидовки, Полтавскаго уѣзда, Михайль Стришинскій.

III.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Преподается благословеніе Господне отъ лица Его Преосвященства 21 апрѣля проживающимъ при Ладынскомъ женскомъ Покровскомъ монастырѣ, Прилукскаго уѣзда, дворянкамъ Елисаветѣ и Анастасіи Ивановнамъ *Череповымъ*, за ихъ пожертвованіе въ монастырскую церковь дарохранительницы серебряной вызолоченной съ футляромъ, цѣнностію 310 руб.

Награждены похвальными листами 26 апрѣля *церковные старосты*: Троицкой церкви с. Харьковецъ, Лохвицкаго уѣзда, казакъ Емельянъ Игнатьевичъ *Клепачъ*, за его усердную дѣятельность въ пользу церкви и причта въ теченіи 3-хъ трехлѣтій; соборной Рождество-Богородичной церкви г. Лохвицы—казакъ Михайль Ѳедоровичъ *Шульженко*, за усердную и полезную службу въ теченіи 6 лѣтъ; Покровской церкви с. Юсковецъ, Лохвицкаго уѣзда, казакъ Зосимъ Нестеровичъ *Костюкъ* за усердную и полезную службу въ теченіи 6 лѣтъ.

Предоставлены священническія мѣста: 31 мая учителю Головачанскаго народнаго училища, Полтавскаго уѣзда, окончившему курсъ Полтавской духовной семинаріи, Іоанну *Погодь*,—при Покровской церкви Нагорной-Игрушки, Константиноградскаго уѣзда; 1 іюня окончившему курсъ той же семинаріи Петру *Грузиненко*,—при Покровской церкви с. Свинарнаго, Гадячскаго уѣзда, 1-е мѣсто.

Рукоположены во діакона: 27 мая псаломщикъ Архистратига-Михайловской церкви с. Заѣзда, Прилукскаго у., Димитрій *Владышевскій*—къ той же церкви на занимаемое имъ псаломщицкое мѣсто; 30 мая псаломщикъ Троицкой церкви с. Демидовки, Полтавскаго уѣзда, Михаилъ *Стришинскій*—къ той же церкви на занимаемое имъ псаломщицкое мѣсто.

Опредѣлены 22 мая сынъ псаломщика, малолѣтній пѣвчій архіерейскаго хора, Маркъ *Хорошунувъ*, въ Переяславскій монастырь для изученія устава; сынъ казака Максимъ *Кривобокъ* въ Лубенскій Спасо-Преображенскій монастырь въ число послушниковъ.

Опредѣлены псаломщиками: 18 мая, окончившій курсъ Литвяковской церковно-приходской школы, Лубенскаго у., сынъ пономаря Василій *Андріевскій*,—къ Покровской церкви с. Литвяковъ, Лубенскаго у., въ качествѣ сверхштатнаго; 26 мая бывшій псаломщикъ Покровской церкви с. Житнаго, Роменскаго уѣзда, Николай *Прихожій*,—къ Троицкой церкви с. Броварокъ, Кременчугскаго у.

Перемѣщены: 26 мая священникъ Покровской церкви с. Свинарной, Гадячскаго уѣзда, Викторъ *Коломенскій*,—къ Александро-Невской церкви с. Чутова, Полтавскаго у., на 1-е мѣсто, на мѣсто перемѣщеннаго въ Херсонскую епархію Григорія *Коломенскаго*; *діаконы:* Троицкой церкви с. Броварокъ, Кременчугскаго у., Іосифъ *Пясеужскій*,—къ Николаевской церкви м. Веприка, Гадячскаго у.; 28 мая Троицкой церкви с. Блотницы, Прилукскаго уѣзда, Іоаннъ *Богдановскій*,—къ Екатериновской церкви с. Хоружевки,

Роменскаго уѣзда; 20 мая *псаломщикъ* Троицкой церкви с. Тишковъ, Лубенскаго у., Петръ *Животковъ*.—къ Троицкой церкви м. Снѣтина, Лубенскаго у.

Утверждены въ должностяхъ: 21 мая Полтавскаго кафедральнаго Успенскаго собора, кафедральный протоіерей Θεодоръ *Лазурскій*,—завѣдующимъ соборной Соборъ-Богородичной женской церковно-приходской школой; 22 мая Кобелякскій уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты священникъ Николай *Пирскій*—членомъ Кобелякскаго уѣзднаго училищнаго Совѣта и членомъ Комитета попечительства о народной трезвости отъ духовнаго вѣдомства.

Уволены заштатъ 26 мая *священники:* Преображенской церкви с. Хитцовъ, Лохвицкаго уѣзда, Викторъ *Капусианскій*, согласно прошенію; 1 іюля Покровской церкви с. Нагорной-Игрушки, Константиноградскаго уѣзда, Θεодоръ *Сажновскій*.

Отрѣшены отъ занимаемаго мѣста 22 мая пономарь Мохайловской церкви с. Ковалей, Лохвицкаго у., Іоаннъ *Ольшанскій*, за долговременную отлучку.

Умершіе исключаются изъ списковъ: 12 мая *псаломщикъ* Троицкой церкви с. Гурбинець, Прилукскаго уѣзда, Павелъ *Захаржевскій*; 15 апрѣля заштатный пономарь Покровской церкви с. Сулимовки, Переяславскаго уѣзда, Іосифъ *Ильинъ*.

IV.

ОТЧЕТЪ

Полтавскаго Епархіальнаго Комитета Всероссійскаго Православнаго Миссіонерскаго Общества
за 1898 годъ.

Полтавскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ прошломъ году закончилъ свое десятилѣтнее существованіе въ нашей епархіи и, руководствуясь 60 §

Высочайше утвержденного Устава, имѣть честь предложить настоящему Собранію отчетъ о дѣятельности, составѣ и своихъ денежныхъ средствахъ за истекшій 1898 годъ.

За десять лѣтъ своего существованія Отдѣленіе наше обнаружило неуклонное и послѣдовательное развитіе своей дѣятельности, — съ каждымъ годомъ расширяя кругъ своего вліянія въ средѣ населенія епархіи. Это неоднократно отмѣчалось въ отчетахъ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, вмѣстѣ съ выраженіемъ одобренія Полтавскому Епархіальному Комитету. Сознавая, что наша не безполезная дѣятельность на почвѣ миссіонерскаго служенія, является результатомъ инициативы и благожелательнаго руководства Преосвященнѣйшаго Предсѣдателя нашего, Епископа Иларіона, а также сочувственнаго отношенія къ дѣлу со стороны нашихъ сотрудниковъ, мы не можемъ не отмѣтить этого одобренія со стороны Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, такъ какъ оно давало намъ и нравственную поддержку, и увѣренность въ дальнѣйшихъ, столь же успѣшныхъ результатахъ. Въ отчетѣ Совѣта Всероссийскаго Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1897 годъ между прочимъ указывается, что Полтавскій Комитетъ стоитъ во главѣ тѣхъ Комитетовъ, „выдающаяся дѣятельность которыхъ не можетъ не обратить на себя вниманія“, и что число членовъ Полтавскаго Комитета за 1897 годъ представляетъ собою такую цифру, которая „за всѣ 28 лѣтъ существованія Общества не встрѣчается ни разу ни въ „одномъ Миссіонерскомъ Комитетѣ“. Мы съ полною увѣренностію приводимъ эти выдержки потому, что цифры 1897 года, вмѣстѣ съ данными за 1898 годъ, въ значительной степени выражаютъ собою итоги неизмѣнно усердной десятилѣтней дѣятельности нашего Комитета. Въ этомъ отношеніи, истекшій 1898 годъ долженъ быть названъ вполне благопріятнымъ. Число членовъ въ этомъ году достигло 2234, и такой численный итогъ, по сравненію за

всѣ десять лѣтъ существованія Миссіонерскаго Отдѣленія въ Полтавской епархіи надо признать очень значительнымъ.

Въ составѣ нашего Комитета въ отчетномъ году не произошло никакихъ измѣненій, за исключеніемъ выбора одного новаго члена, взазмѣнъ выбывшаго въ 1897 году.

Въ годичномъ собраніи 15 марта 1898 года, въ качествѣ новаго члена Комитета, былъ избранъ о. архимандритъ *Еоѳодосій*, служившій со времени учрежденія въ епархіи Комитета членомъ повѣрочной комиссіи по ревизіи денежной отчетности Комитета. Пополнивъ такимъ образомъ свой нормальный комплектъ членовъ, Комитетъ въ отчетномъ году имѣлъ тотъ же личный составъ, что и въ предыдущемъ 1897 году, а именно: *Предсѣдатель Комитета*, почетный членъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, *Преосвященный Иларіонъ, Епископъ Полтавскій и Первяславскій*, — *Товарищъ Предсѣдателя, статскій совѣтникъ Николай Еоѳодоровичъ Герасименко*. Члены Комитета: 1) *ректоръ Полтавской духовной семинаріи, протоіерей Іоаннъ Хр. Пичета*, 2) *ст. сов. Александръ Вл. Шидловскій*, 3) *ст. сов. Викторъ П. Трегубовъ*, 4) *тит. сов. Иванъ М. Дубяга*, 5) епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, *священникъ о. Іустинъ Львовичъ Ольшевскій*, 6) *кол. секр. Яковъ Евѳ. Матіяшевскій*, онъ же и казначей Комитета, 7) *потомств. почетный гражданинъ Иннокентій Семеновичъ Котельниковъ*, 8) *потомств. почетный гражданинъ Иванъ В. Небольсинъ*. *Дѣлопроизводителемъ Комитета состоялъ въ отчетномъ году священникъ Петръ М. Діаталовичъ*, нынѣ членъ Полтавской Духовной Консисторіи, выполняющій эту обязанность со времени открытія нашего Отдѣленія. Наконецъ, въ повѣрочной комиссіи для обревизованія денежной отчетности Комитета, по назначенію общаго годичнаго собранія, состояли: статскій совѣтникъ *И. Л. Павловичъ* (нынѣ умершій), надворный совѣтникъ *П. Т. Свирчевскій* и Александръ *Ф. Мальцевъ*.

Въ составъ Отдѣленія въ 1898 году поступило первый разъ записавшихся 207 членовъ и слѣдовательно общая численность ихъ съ 2027, бывшихъ въ 1897 г., возросла до 2234-хъ. Въ этомъ числѣ необходимо отмѣтить 18 пожизненныхъ членовъ *), 58—записавшихся съ своими семействами **) и 172—выразившихъ желаніе состоять всю жизнь членами нашего Отдѣленія и вносить ежегодно членскій взносъ, въ размѣрѣ, опредѣленномъ Уставомъ. Число пожизненныхъ членовъ Комитета въ истекшемъ году неизмѣнилось въ своемъ общемъ итогѣ, хотя внутренній составъ этой категоріи членовъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Пожизненнымъ членомъ изъявилъ свое желаніе быть священникъ Преображенской церкви с. Сватковъ, Гадячскаго уѣзда, Константинъ Дарагановъ, но и умеръ одинъ изъ пожизненныхъ членовъ Отдѣленія—это священникъ Преображенской церкви г. Кременчуга, Алексій Василевичъ Кривусѣвъ. Комитетъ считаетъ необходимымъ выразить глубокое сожалѣніе по поводу этой утраты, такъ какъ покойный о. Кривусѣвъ обнаруживалъ при жизни своей примѣрное рвеніе и усердіе къ дѣлу миссіонерства и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ сотрудниковъ.

По сословіямъ общее число членовъ нашего Комитета въ отчетномъ году распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Изъ 2234 членовъ, — 75 принадлежатъ къ высокопоставленнымъ лицамъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ; 134—къ дворянамъ; 30—къ потомственнымъ почетнымъ и личнымъ гражданамъ. Лицъ духовнаго званія числится 1246, купцовъ 72, мѣщанъ 56, казаковъ и крестьянъ 495, церковно-приходскихъ школъ, въ лицѣ своихъ учителей и учительницъ: мужскихъ 24, женскихъ 12, смѣшанныхъ—4; школъ грамоты—9 и земскихъ народныхъ училищъ—8. Далѣе въ составѣ Отдѣленія значится: братствъ при церквахъ—6.

*) Списокъ ихъ приложенъ къ отчету за № 1.

**) Списокъ ихъ приложенъ къ отчету за № 2.

церковно-приходскихъ попечительствъ—7, церквей, въ лицѣ прихожанъ—18, церковно-приходскихъ хоровъ—2, сельскихъ обществъ—6, лицъ, не пожелавшихъ огласить своихъ именъ и фамилій—7, лицъ другихъ вѣроисповѣданій—5 (католиковъ—3 и лютеранъ—2) и наконецъ 18—упомянутыхъ выше пожизненныхъ членовъ обоюго пола.

Въ общемъ числѣ членовъ Отдѣленія, по спискамъ Комитета значится 1560 мужчинъ и 674 женщины (всего 2234). Послѣднія цифры, при сравненіи съ однородными цифрами предыдущихъ лѣтъ, показываютъ постепенно возрастающее число членовъ женскаго пола въ составѣ нашего епархіальнаго Отдѣленія. Это обстоятельство мы должны отмѣтить, какъ весьма утѣшительный признакъ того, что женское населеніе нашей епархіи все болѣе и болѣе проникается сочувствіемъ къ тому великому дѣлу, которому съ древнѣйшихъ временъ женщина служила съ самоотверженіемъ и безкорыстной преданностью. Многоразличныя мѣропріятія, принимаемая Комитетомъ, по мысли и указаніямъ Преосвященнѣйшаго Предсѣдателя нашего, для привлеченія женщинъ къ участию въ нашемъ Отдѣленіи, оказались такимъ образомъ вполне цѣлесообразными и дали благопріятный результатъ, съ удовольствіемъ констатируемый нами въ настоящемъ отчетѣ.

Значительно возрасло также, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, и число школъ, состоящихъ членами Отдѣленія въ лицѣ своихъ учителей и учительницъ. Тогда какъ въ 1897 году такихъ школъ въ спискахъ Комитета значилось 28, въ отчетномъ году число ихъ достигло 57, т. е. увеличилось больше, чѣмъ вдвое, при чемъ, кромѣ церковно-приходскихъ школъ, сюда вошли въ первый разъ и земскія училища, въ количествѣ 8. Присоединеніе къ составу нашего Комитета народныхъ школъ также является весьма отраднымъ фактомъ, такъ какъ, благодаря этому, знакомство съ мисіонерскимъ дѣломъ, сочувствіе и содѣйствіе ему распространяется на сравнительно обширный районъ, а воспитаніе подрастающихъ поколѣній пополняется такимъ

важнымъ элементомъ, какъ подготовка дѣтей къ надлежащему выполнению въ будущемъ ихъ христіанскаго долга.

Составъ нашего Отдѣленія въ истекшемъ году понесъ утрату въ лицѣ 30 умершихъ своихъ членовъ, о чемъ Комитетъ съ глубокимъ прискорбіемъ считаетъ необходимымъ сообщить настоящему собранію *). По заведенному и практикующемуся ежегодно обычаю, объ умершихъ членахъ нашихъ было совершено заупокойное богослуженіе Архипастыремъ нашимъ, Преосвященнымъ Епископомъ Иларіономъ, при участіи духовенства и многихъ молящихся, 12 іюля прошлаго года. имена же умершихъ членовъ занесены въ Комитетскій синодикъ для вѣчнаго поминовенія.

Денежныя средства Комитета за отчетный годъ увеличились, сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 467 руб. 56 коп. Увеличеніе сборовъ Комитета, умноженіе числа членовъ Отдѣленія, а также и вообще всѣ указанные выше благопріятныя результаты дѣятельности Комитета въ истекшемъ году, являются слѣдствіемъ того все болѣе возбуждаемаго интереса и сочувствія къ задачамъ Миссіонерскаго Общества, которое проявляется среди населенія нашей епархіи въ послѣдніе годы. Духовенство наше, подъ руководствомъ Преосвященнаго Предсѣдателя нашего, принимаетъ все болѣе и болѣе дѣятельное участіе въ дѣлѣ миссіонерства, наставляя въ соотвѣтствующемъ духѣ и свою паству, и ввѣренныя его наблюденію церковно-приходскія школы. Въ другихъ кругахъ общества Комитетъ также встрѣчаетъ дѣятельную помощь и сочувствіе. Изъ числа лицъ, особенно заботившихся объ увеличеніи числа членовъ Отдѣленія и матеріальныхъ средствъ онаго, Комитетъ считаетъ необходимымъ отмѣтить слѣдующихъ:

1) *Благочинный Кобелякского уезда, протоіерей Петръ*

*) Именной списокъ умершихъ членовъ приложенъ къ отчету за № 3.

Кириевъ доставилъ намъ въ отчетномъ году 306 руб. 4 к. и приобрѣлъ епархіальному Отдѣленію 63 члена.

2) *Благочинный* того же уѣзда, священникъ *Петръ Воблый* привлекъ 68 членовъ и собралъ 292 р. 27 коп. пожертвованій.

3) *Благочинный Гадячскаго уѣзда*, священникъ *Григорій Никифоровъ* представилъ 287 р. 32 к. и пригласилъ 23 члена.

Съ такимъ же примѣрнымъ усердіемъ миссіонерскому дѣлу трудятся изъ года въ годъ съ неослабѣвающей энергіей.

4) *Казначей Комитета, коллежскій секретарь Яковъ Евѣим. Матіяшевскій*, доставившій въ отчетномъ году Комитету 121 члена и 371 руб. 11 коп. пожертвованій.

5), 6) и 7) *Благочинные Кобелякскаго уѣзда, священники: Симеонъ Сокологорскій, Арсеній Рудичевъ и Григорій Стефановичъ* представили: первый членовъ 30 и 233 руб. 34 коп. сборовъ, второй — 41 члена и 221 р. 23 к. и послѣдній — 44 члена и 207 р. 39 к.

Значительное усердіе къ дѣлу миссіонерства проявилъ также:

8) недавно назначенный на должность благочиннаго Миргородскаго уѣзда, священникъ *Ипполитъ Борзакоскій*, записавшій 51 члена и собравшій пожертвованій на сумму 252 р. 10 к., точно также какъ и

9) *Благочинный* того же уѣзда, протоіерей *Георгій Галковскій*, который въ первый годъ своего служенія въ должности благочиннаго далъ намъ 36 членовъ и 194 руб. 97 коп. пожертвованій. Надо надѣяться, что столь примѣрное усердіе, проявленное уже въ началѣ благочинническаго поприща этихъ двухъ пастырей, порадуетъ насъ благопріятными результатами и на будущее время.

Въ числѣ нашихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, всегда выказывающихъ особенное сочувствіе миссіонерству, упомянемъ:

10) *Товарища Предсѣдателя Комитета, статскаго совѣтника Николая Ѳ. Герасименко* и

11) *Начальницу женскаго епархіальнаго училища, Варвару Александровну Андриевскую*, представившихъ намъ въ истекшемъ году: первый—80 руб. пожертвованій и 23 члена, а вторая—64 р. 7 к. и 19 членовъ.

Живое участіе къ дѣлу православной миссіи выказали также:

12) *Полтавскій градскій благочинный, протоіерей Іоаннъ Бельговскій*, доставившій намъ сумму пожертвованій въ 205 руб. 13 коп. и пригласившій записаться въ члены 29 лицъ.

13) *Благочинный Роменскаго уѣзда, протоіерей Данилъ Италинскій* приславшій 177 р. 48 к. и привлекшій въ составъ Комитета 37 членовъ.

14) *Благочинный Лубенскаго уѣзда священникъ Гаврилъ Коваленко*, въ первый годъ своего почетнаго служенія представилъ комитету 40 членовъ и 225 р. 96 к. пожертвованій, и столь успѣшнымъ началомъ заслуживаетъ вниманія и особой признательности со стороны Комитета.

Съ такой же благодарностью, Комитетъ считаетъ долгомъ отмѣтить усердіе благочинныхъ Константиноградскаго уѣзда:

15) *протоіеря Андрея Щитинскаго*, который прислалъ 207 р. 69 к. сборовъ и записалъ 30 членовъ, и

16) *священника Алексія Любарскаго*, благодаря которому Комитетъ приобрѣлъ 25 членовъ и 207 руб. 92 коп. пожертвованій.

Значительное содѣйствіе комитету въ пріумноженіи числа членовъ и денежныхъ средствъ выказали также благочинные Кременчугскаго уѣзда:

17) *протоіерей Лука Бѣлявскій* и

18) *священникъ Александръ Матченко*, изъ которыхъ первый собралъ 146 р. 24 к. и записалъ 19 членовъ, вто-

рой доставилъ 148 р. 96 к. и 27 членовъ.

Съ обычнымъ своимъ сочувствіемъ и вниманіемъ къ нуждамъ Православнаго Миссіонерства дѣйствовали въ истекшемъ году:

19) *Ректоръ Полтавской Духовной семинаріи, протоіерей Іоаннъ Пичета,*

20) *Смотритель духовнаго училища, протоіерей Григорій Лисовскій,*

21) *кафедральный протоіерей Николай Ураловъ и*

22) *протоіерей Кадетскаго корпуса Евѣмій Исаенко.*

Изъ этихъ четырехъ лицъ первый доставилъ Комитету 11 членовъ и 48 р. 87 к. пожертвованій, второй—9 членовъ и 31 р. 5 к. сборовъ, третій 13 членовъ и 87 руб. 33 к. и наконецъ четвертый—5 членовъ и 48 р.—изъ среды служащихъ при Кадетскомъ корпусѣ.

Энергичную помощь Комитету и живую преданность дѣлу миссіонерства оказаль:

23) *Архимандритъ Θεодосій,* членъ нашего Комитета, въ истекшемъ году доставившій 19 членовъ и 122 р. 22 к. пожертвованій на нужды Православнаго миссіонерства.

24) *Діаконъ Полтавскаго кафедральнаго собора, Андрей Жуковскій* давно обращающій на себя вниманіе тѣмъ неутомимымъ усердіемъ, съ которымъ онъ привлекалъ членовъ въ составъ Отдѣленія и собиралъ пожертвованія на нужды Православнаго миссіонерства, въ прошломъ году пригласилъ записаться въ члены 53-хъ лицъ и доставилъ разнаго рода сборовъ 163 руб.

Ревностно заботились о приумноженіи членовъ и пожертвованій:

25) *священникъ Богородице-Скорбященской церкви Полтавскаго тюремнаго замка, Петръ Грудницкій,* представившій въ отчетномъ году 14 членовъ и 42 р. 83 к. сборовъ отъ частныхъ посѣтителей тюремной церкви, а также—

26) *священникъ* с. Ролзюнокъ Хорольскаго уѣзда, *Архидій Заборскій*, доставившій намъ 65 р. 21 к. и записавшій 14 членовъ своихъ прихожанъ.

27) *Благочинный* того же уѣзда, *священникъ Александръ Пархоменко*, усиліями котораго собрано 185 р. 98 коп. и привлечено 46 членовъ.

Заслуживающую одобренія дѣятельность въ умноженіи членовъ Отдѣленія и матеріальныхъ средствъ обнаружили затѣмъ:

28) *Благочинный Переяславскаго уѣзда, священникъ Кириллъ Магеровскій*, собравшій 202 р. 95 к. и записавшій 12 членовъ;

29) *Благочинный Хорольскаго уѣзда, протоіерей Николай Григоровичъ*—36 членовъ и 207 руб. 6 коп. пожертвованій;

30) *Благочинный Лубенскаго уѣзда, протоіерей Алексій Дамаскинъ* 154 р. 97 к. и 24 члена;

31) *Благочинный Константиноградскаго уѣзда, протоіерей Дій Пономаревъ*—155 р. 79 к. и 24 члена;

32) *Благочинный Золотоношескаго уѣзда, священникъ Михаилъ Чубовъ*—173 р. 28 к. и 25 членовъ;

33) *Благочинный Лохвицкаго уѣзда, протоіерей Николай Негевичъ*—168 р. 79 к. и 26 членовъ, и многіе другіе.

Не желая слишкомъ обременять вниманіе присутствующихъ, Комитетъ не будетъ удлинять и безъ того затянувшійся списокъ своихъ сотрудниковъ и прилагаетъ къ отчету о всѣхъ остальныхъ дѣятеляхъ дополнительный списокъ за № 4-мъ.

Всѣмъ вышеупомянутымъ сотрудникамъ своимъ, выказавшимъ такъ много усердія и похвальнаго рвенія въ содѣйствіи миссіонерскому служенію, а равно и всѣмъ другимъ лицамъ духовнаго и свѣтскаго званія, оказывавшимъ намъ поддержку, Комитетъ считаетъ долгомъ выразить призна-

тельность за всё ихъ полезныя труды.

Считаемъ затѣмъ нелишнимъ отмѣтить тѣ пожертвованія, которыя сопровождались какими либо особыми замѣтками, или указаніями на предметъ пожертвованій. Такъ, *Переяславскій градскій благочинный, священникъ Макарій Соховичъ*, представляя съ подписными листами членскіе взносы и пожертвованія, прислалъ по 1 руб. отъ каждой церкви своего благочинія специально въ пользу миссіонеровъ въ предѣлахъ епархіи,—всего 11 руб. Это первый примѣръ доставленія такихъ сборовъ, которые въ счетоводствѣ Комитета открыли особую рубрику денежныхъ поступленій.

Благочинный Лубенскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Михайловскій представилъ подписной листъ отъ Троицкой церкви с. Овсюковъ съ пожертвованіями, при слѣдующей надписи: „Въ праздникъ св. Николая и всерадостный день тезоименитства Государя Императора пожертвовано прихожанами, бывшими въ храмъ Божіемъ,—5 руб. на Миссіонерство „Русское Православное, въ славу Божію труждающееся“.....

Благочинный Гадячскаго уѣзда, священникъ Григорій Никифоровъ, представляя кружечныя деньги за 1897 годъ прибавляетъ, что въ общей суммѣ призванныхъ денегъ находятся сборы специально на увеличеніе средствъ для подавленія секты штундистовъ въ предѣлахъ епархіи.

Священникъ Александро-Невской церкви г. Роменъ Гавриилъ Красовскій представилъ пожертвованія отъ учащихся и учащихся женской церковно-приходской школы, состоящей при этой церкви, въ размѣрѣ 23 руб. Пожертвованіе это доставлено при рапортѣ на имя Его Преосвященства и передано въ комитетъ при слѣдующей резолюціи: „Да приметъ Господь лепты дѣтей пожертвованія учащихся и прочихъ лицъ“. Комитетъ Миссіонерскаго Общества своевременно занесетъ о семъ въ отчетъ.

Мы упоминали не разъ въ своихъ отчетахъ, что нѣкоторые о. о. Благочинные представляли пожертвованія, полученныя отъ продажи собраннаго въ приходахъ хлѣба. Въ этомъ же родѣ отмѣтимъ и въ отчетномъ году пожертвованіе отъ прихожанъ Еньковской Вознесенской церкви, Хорольскаго уѣзда, въ количествѣ 16 р. 29 к. Сумма эта, какъ значится въ препроводительной замѣткѣ при подписномъ листѣ, получила отъ продажи пожертвованнаго холста и доставлена благочиннымъ Хорольскаго уѣзда, священникомъ Александромъ Пархоменко.

Священникъ Пантелеимовской церкви с. Драбиновки, Кобелякскаго уѣзда, Іоаннъ Гамагинъ сопроводилъ подписной листъ для сбора пожертвованій слѣдующей замѣткой: «Господь любитъ добροхотнаго дателя». Онъ взираетъ на добрую волю, а не на размѣры даванія. Всякое даваніе да благо!“ Въ листѣ этомъ значится членскихъ взносов отъ одного Драбиновскаго прихода 30 руб., мелочныхъ пожертвованій 5 руб. и сверхъ того *еще 3 руб., внесенные по завѣщанію умершаго козака Василія Дегтяря по волю котораго такой же взносъ ежегодно обязывается вносить его семейство до самой смерти вдовы покойнаго Дегтяря.*

При содѣйствіи своихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, Комитетъ въ отчетномъ году получилъ въ свое распоряженіе всѣхъ сборовъ и пожертвованій 13232 р. 9 к., каковая сумма превышаетъ цифру прихода за предшествующій годъ на 467 р. 56 к. Благопріятное вліяніе на увеличеніе денежныхъ средствъ Комитета и выраженіе искренняго сочувствія Православію, оказала въ истекшемъ году обошедшая всю Россію радостная, вѣсть о чудесномъ спасеніи Иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы въ г. Курскѣ. Во многихъ приходахъ нашей епархіи по этому случаю были совершены благодарственныя молебствія съ акаѳистомъ Знаменію Божіей

Матери, и вызванное такою молитвою благовѣйное чувство молящихся направляло ихъ умы и сердца на высокое дѣло служенія торжеству Православія. Во многихъ подписныхъ листахъ, представленныхъ въ Комитетъ, мы встрѣчаемъ такія замѣтки:—пожертвовано по случаю чудеснаго спасенія иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы въ „Курскѣ“.... Есть пожертванія, вызванныя воспоминаніемъ о неутомимыхъ трудахъ незабвеннаго миссіонера, всю жизнь служившаго образцомъ самаго ревностнаго служенія православной отечественной миссіи, — это объ Архіепископѣ Казанскомъ Владимірѣ, скончавшемся 2 сентября 1897 года. Память его была почтена въ прошлогоднемъ годичномъ собраніи нашего Отдѣленія Преосвященнѣйшимъ Предсѣдателемъ нашимъ который въ своей рѣчи далъ намъ живой очеркъ личности и многосторонней дѣятельности покойнаго архіепископа Владиміра. Подробности объ этомъ мы помѣщаемъ ниже, здѣсь же скажемъ только, что напоминаніе о незабвенныхъ заслугахъ столь ревностнаго миссіонера, вызвало особыя пожертванія, въ тѣхъ именно приходяхъ, гдѣ священники, пользуясь этимъ случаемъ указывали своимъ пасомымъ на многотрудное апостольское служеніе святителя Владиміра, какъ на примѣръ искренней преданности Вѣрѣ Православной и достойный всеобщаго христіанскаго подражанія

Въ статьяхъ прихода за отчетный годъ видное мѣсто занимали и пожертванія на обезпеченія учрежденныхъ Комитетомъ стипендій „Маріинской“ и „Иннокентіевской“, что съ очевидностію свидѣтельствуетъ о томъ, что чествованіе памяти основателя Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Россіи — Митрополита Иннокентія, оставило глубокий слѣдъ въ сердцахъ нашего православнаго народа, побуждая его поддерживать тѣ полезныя учрежденія, которыя всего лучше служатъ увѣковѣченію памяти покойнаго Митрополита Иннокентія.

Подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, находившихся въ распоряженіи Комитета въ отчетномъ году, представленъ въ нижеслѣдующей вѣдомости:—

А) Приходъ суммъ:

Къ 1-му января 1898 года оставалось.	23530 р.	3 к.
въ томъ числѣ:		
неприкосновеннаго капитала.	6953	36 „
запаснаго	1511	24 „
и расходнаго: общаго.	9346	30 „
и спеціальнаго	5719	13 „

Къ тому же въ теченіе 1898 года поступило:

1) Капитала неприкосновеннаго:

а) единовременный вкладъ отъ священника Преображенской церкви с. Сватковъ, Гадячскаго уѣзда, Константина Дараганова на званіе пожизненнаго члена Пр. М. Общества . . . . . 60 р. — к.

б) пожертвованій отъ благочинныхъ и приходовъ епархіи для увеличенія основнаго капитала Комитета . . . . . 385 „ 58 „

в) пожертвованій отъ присутствовавшихъ на праздникѣ 9 годовщины открытія Комитета въ Полтавской епархіи, 15 марта сего года въ основной капиталъ . . . . . 349 „ 3 „

г) % на неприкосновенный капиталъ за вычетомъ по 5 коп. въ Государственный доходъ . . . . . 189 „ 62 „

2) *Запаснаго капитала:*

а) излишковъ членскихъ взносовъ превышающихъ сумму 3 руб.	55 р. — к.
б) тарелочнаго сбора въ недѣлю Православія отъ церквей и монастырей епархіи	1571 „ 75 „
в) пожертвованій по подписнымъ листамъ Совѣта православнаго миссіонерскаго общества и листамъ Комитета	1201 „ 54 „
	<hr/>
	2828 р. 29 к.

3) *Расходнаго капитала:*

а) членскихъ взносовъ по 3 руб. отъ 2215 членовъ	6645 р. — к.
б) кружечнаго сбора на распространіе Православія между язычниками въ Имперіи отъ церквей и монастырей епархіи.	429 „ 10 „
в) $\frac{1}{2}$ по купонамъ отъ закладныхъ листовъ Полтавскаго земельного Банка, Государственной рейты на 19500 р. и по безсрочнымъ вкладамъ на капиталъ неприкосновенный, обезпечивающій пожизненные взносы 19 членовъ	678 „ 31 „
г) пожертвованій специальныхъ на усиленіе средствъ Комитета для искоренія секты штундистовъ въ предѣлахъ Полтавской епархіи	719 „ 92 „
д) пожертвованій отъ благочиній епархіи на обезпеченіе учрежденныхъ Комитетомъ стипендій— „Маріинской“ въ память первой Августѣйшей покровительницы Пр. Мис. Общества Государыни	

Императрицы Маріи Александровны и —	
„Иннокентіевской“ въ память основателя этого общества въ Россіи, митрополита	
Иннокентія	947 р. 24 к.
	9419 р. 57 к.
Итого за годъ	13232 р. 9 к.
А всего съ остаткомъ	36762 р. 12 к.

Б) Расходъ суммъ:

- 1) на гербовыя марки при взносахъ суммъ Комитета въ Полтавское Отдѣленіе Государственнаго Банка — „ 90 к.
- 2) псаломщику-учителю всѣхъ предметовъ и пѣнія въ церковно-приходской школѣ м-ка Еремѣвки, Золотоношскаго уѣзда, Павлу Крикуновскому въ пособіе. 58 р. 73 к.
- 3) за противудѣйствіе развитію штунды въ томъ же мѣстечкѣ Еремѣвкѣ выдано священнику Петру Симоновскому квартирнаго пособія . . . . . 80 „ 73 „
- 4) на годовичное поминованіе умершихъ членовъ Пр. М. Общества при отправленіи соборной панихиды 12 іюня с. г. 9 „ 25 „
- 5) по распоряженію Совѣта Пр. Мис. Общества отъ 12 іюля 1897 г. № 386, выслано переводомъ черезъ Полтавское Отдѣленіе Государственнаго Банка отъ 28 января с./г. за № 417, Благовѣщенскому Епархіальному Миссіонерскому Комитету на содержаніе Камчатской миссіи во второй половинѣ 1897 г. и въ первой—сего года . . . . . 2029 „ 66 „

6) по распоряженію того же Совѣта, отъ 25 іюня с./г. за № 518, выслано переводомъ черезъ Полтавское Отдѣленіе Государственнаго Банка отъ 2 августа с./г. за № 3640 и 5 декабря с./г. за № 6328, въ г. Читу Преосвященному Георгію, Епископу Забайкальскому и Нерчинскому на содержаніе вѣреннѣйшей ему миссіи во 2-й половинѣ 1898 г. и въ 1-й половинѣ 1899 г. . . . . 10403 р. 77 к.

7) согласно постановленію Комитета отъ 28 іюля с./г. отослано въ Совѣтъ Пр. М. Общества для передачи въ единовременное пособіе Корейской миссіи . . . . . 300 " — "

8) согласно постановленію собранія Комитета отъ 24 августа 1897 г., на содержаніе двухъ стипендій: имени Государыни Императрицы Маріи Александровны и митрополита Московскаго Иннокентія, отослано Совѣту Пр. М. Общества въ г. Москву 100 р. и Иркутскому миссіонерскому Комитету 100 р., всего . . . . . 200 " — "

9) по постановленію того же Комитета отъ 24 августа 1897 г. отослано въ Иркутскій миссіонерскій Комитетъ единовременное пожертвованіе на постройку церковно-учительской школы въ с. Ангинскомъ, Верхоленскаго уѣзда, на мѣстѣ родины Митрополита Иннокентія . . . . . 103 " 20 "

10) за переводъ этихъ денегъ уплачено Отдѣленію Государственнаго Банка и за пересылку черезъ почтовую контору въ г. Полтаву . . . . . 5 " 90 "

11) печатаніе разнаго рода бланокъ, объявленій, пригласительныхъ писемъ, списковъ членовъ, отчетовъ Комитета и канцелярскія принадлежности . . . 112 р. — к.

12) при покупкѣ закладныхъ $4\frac{1}{2}\%$ листовъ Полтавскаго земельного Банка взаменъ такихъ же листовъ Государственнаго дворянскаго земельного банка на сумму 5500 руб., объявленныхъ въ конверсію, уплачено курсовой разницы . . . 27 „ 50 „

13) при покупкѣ тѣхъ же закладныхъ $4\frac{1}{2}\%$ листовъ Полтавскаго земельного банка на 5500 руб. возвращены проценты, полученные по купонамъ на срокъ 1-го іюля по день продажи 2-го мая с./г. всего за 122 дня . . . 80 „ 30 „

14) Уплачено Полтавскому Отдѣленію Государственнаго Банка за годъ храненія $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листовъ Полтавскаго земельного банка и за марку . . . 2 „ 20 „

15) Отправлены въ Полтавскую Духовную Консисторію ненадлежаще засланные въ Комитетъ благочиннымъ свящ. М. Богацкимъ кружечныя деньги на возстановленіе православія на Кавказѣ . . . 6 „ 3 „

16) Жалованье дѣлопроизводителю Комитета 180 руб. въ годъ, письмоводителю и разсылному при Комитетѣ 246 руб., всего . . . 426 „ — „

17) на выписку еженедѣльной газеты „Московскія церковныя вѣдомости“ и „Православный Благовѣстникъ“ въ

1899 году съ пересылкой денегъ по
 почтѣ . . . . . 10 р. 20 к.
 и 18) мелочные расходы за весь
 годъ по дѣламъ Комитета . . . . . 3 „ 30
 13859 р. 82 к.

(Окончаніе слѣдуетъ).

V.

Извѣстія и объявленія.

О просвѣщенномъ святымъ крещеніемъ.

Просвѣщенъ св. крещеніемъ изъ евреевъ 14 мая мѣщанинъ Могилевской губерніи города Горки Шая-Бенціонъ Зальмановъ сынъ *Маскинъ*, 15 лѣтъ, протоіереемъ Александро-Невской церкви г. Кременчуга Василиемъ *Шивоваровымъ*, съ нареченіемъ имени „*Николай*“, при воспріемникахъ: потомственномъ почетномъ гражданинѣ Александрѣ Петровичѣ *Акулъшинѣ* и Крюковской мѣщанкѣ Анастасіѣ Аврамовнѣ *Верховской*.

О сборныхъ книгахъ.

Полтавскою Духовною Консисторіею выданы сборныя книги для сбора пожертвованій въ предѣлахъ Полтавской епархіи срокомъ на одинъ годъ:

а) 1899 года мая 22 дня выдана сборная книга за № 10716, на имя казака Петра Елисеевича Ночовнаго, въ пользу Духистратиго-Михайловской церкви с. Леляковъ, Прилукскаго уѣзда.

б) 1899 года мая 24 дня выдана сборная книга за № 10673, на имя отставнаго канонира Петра Григоріевича Жука, на устройство новой церкви во имя Святой Троицы въ с. Бродщинѣ, Кобелякского уѣзда.

в) 1899 года мая 21 дня выдана сборная книга за № 10981, на имя казака Карла Сергѣевича Шапора, на постройку новой каменной церкви въ с. Малой-Павловкѣ, Зѣньковского уѣзда.

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшія награды.—I. Определеіе Св. Синода—II. Архіерейскія служенія.—III. Распоряженія Епархіальнаго Епархіальнаго Начальства.—IV. Отчетъ Полтавскаго Епархіальнаго Комитета Всероссійскаго Миссіонерскаго общества.—V. Извѣстія и объявленія.

Редакторъ официальной части,

Протоіерей *Н. Уриловъ.*

Печ. съ разр. мѣстн. духовн. цензуры, 1 іюня 1899 г.

Полтава. Типо-Литографія Л. Фришберга.

10-го іюня

№ 17-й.

1899 года.

ПОЛТАВСКІЯ

Государственный
Библиотека
СССР
им. Г. В. Плехина

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Нравственно-патріотическія и религіозныя идеи Пушкина.

Сто лѣтъ прошло со дня рожденія и болѣе полувѣка со дня трагической смерти великаго русскаго поэта А. С. Пушкина. Превремениенно сведенная въ могилу рука пѣвца давно уже не даритъ насъ своими дивными пѣснями, но память о немъ свято хранится въ русскомъ сердцѣ, оно живо бьется при звукѣ дорогаго, славнаго имени. Уже при самомъ своемъ появленіи оно производило на людей какое то магическое дѣйствіе, но, тогда какъ такое дѣйствіе обыкновенно съ годами слабѣетъ и исчезаетъ, очарованіе имени Пушкина продолжается до сихъ поръ и даже становится глубже.

Люди имѣютъ несчастіе забывать прошлое и обращаться душою къ новымъ предметамъ. Понемногу они перестаютъ понимать и чувствовать даже самое прекрасное, самое великое, что только можетъ явиться на землѣ, и предпочитаютъ ему предметы нерѣдко гораздо низшаго разряда. Такъ было и съ Пушкинымъ. Было послѣ него нѣсколько времени, когда новыя литературныя явленія, казалось, навсегда заслонили его, вкусъ къ Пушкину тупѣлъ, и все

вниманіе сосредоточивалось на новомъ предметѣ восторга. Но проходило время, и то, что вблизи казалось огромнымъ, становилось на разстояніи меньше, и, наконецъ, мы видѣли, что Пушкинъ по прежнему возвышается надъ всею нашею литературою, и до него, и послѣ него. Не такъ давно бывшія торжества въ Москвѣ (1880 г.), по случаю открытія памятника Пушкину, показали, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ и серьезною думою отнеслась вся мыслящая Россія къ памяти великаго поэта, показали въ полномъ блескѣ то значеніе, какое придаютъ ему лучшіе представители русской мысли, лучшіе дѣятели науки и литературы. Все, что говорилось и читалось во время этихъ памятныхъ дней, было единымъ, общимъ непрерывнымъ гимномъ прославленія нашему великому поэту, было искреннимъ и вдохновеннымъ взрывомъ восторга, вызваннаго чувствованіемъ его памяти. Съ тѣхъ поръ прошло почти двадцатилѣтіе,—періодъ,—достаточный для того, чтобы охладить всякій пылъ, если только онъ былъ къмъ нибудь и чѣмъ нибудь искусственно вызванъ. И что же мы видимъ? Съ высоты царскаго престола, у подножія котораго слилась вся Русь, раздается голосъ, одобряющій всенародное чувствованіе памяти поэта, всѣмъ одинаково дорогого, такъ широко и далеко прославившаго русскій народъ и Русскую землю! И на этотъ призывъ встрепенулась вся Русь, изъ края въ край, на всемъ ея необъятномъ пространствѣ, и слилась въ настоящій день въ единопдушномъ молитвенномъ воспоминаніи и чувствованіи своего великаго поэта!

Въ чемъ же сила этого дивнаго поэта, вызвавшаго и въ отдаленномъ потомствѣ горячую къ себѣ любовь?

Въ минуту поэтическаго вдохновенія, такъ прекрасно уподобленнаго поэтомъ состоянію пророка, Пушкинъ, съ прозорливостію послѣдняго, далъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,

Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокий вѣкъ возелавилъ я свободу,
 И милость зѣ падшимъ призывалъ“.

И въ другомъ мѣстѣ:

„И неподкупный голосъ мой,
 Былъ эхо русскаго народа“.

Вотъ секретъ горячей къ нему любви, страстной у его современниковъ, сознательной и спокойной у дальнѣйшихъ поколѣній. И секретъ этотъ объясняется просто: посмотрите на образъ Пушкина прямо, какъ онъ есть, отдайтесь свободно вашему чувству, безъ всякаго предупрежденнаго и часто пришедшаго совнѣ взгляда, и вы убѣдитесь, что онъ величайшій народно-русскій поэтъ, народный не въ смыслѣ того или другаго сословія, той или другой тенденціи, но въ наиболѣе широкомъ смыслѣ „народность“. Онъ угадалъ душу русскаго человѣка, его умственный складъ, истинный смыслъ его историческихъ эпохъ и далъ намъ откровеніе этихъ народныхъ тайнъ въ формахъ прелестныхъ и опять таки чисто національныхъ. Русская народная личность понята была поэтомъ, а потому неудивительно, что и Русь, въ свою очередь, познала поэта, увидѣла въ немъ своего могучаго богатыря—оратая, вспахавшаго и воздѣлавшаго русскую ниву. „Духъ занимается, сказалъ одинъ изъ ораторовъ на Московскихъ торжествахъ (Н. А. Чаевъ), когда попробуешь окинуть, охватить умомъ, необозримую ни вширь, ни вдаль, воздѣланную пахаремъ нашимъ ниву! Вся гамма русской души, весь мощный, обаятельный звонъ языка русскаго, начиная отъ высокаго, молитвенно-торжественнаго возгласа, отъ неуловимыхъ, ангельски чистыхъ звуковъ материнской ласки до удалого посвиста отпѣтаго гуляки, все,—все откликнулось эхомъ, что въ заповѣдномъ лѣсу, въ великой, будто сама Русь, душѣ поэта“. Глубоко народное чувство Пушкинъ вынесъ не изъ среды, которою онъ былъ окруженъ, но изъ своихъ вдохновеній, ихъ пророческаго чутья своей гениальной души.

Изъ этой богатой сокровищницы, оставленной намъ по-этомъ, мы возьмемъ только нѣкоторыя перлы, наиболѣе ярко освѣщающіе Пушкина, какъ русскаго поэта, — его нравственныя, патріотическія и религіозныя идеи.

Поставивъ своею задачею уясненіе поэзіи Пушкина съ этой стороны, позволимъ себѣ нѣкоторыя отступленія. Прежде всего мы должны показать, въ какомъ отношеніи находились созданія Пушкина къ его личности? Были-ли они только игрою его поэтической фантазіи, произведеніями его художественнаго гениа, не выражавшими никакихъ личныхъ убѣжденій поэта, какъ полагала эстетическая критика, или же, напротивъ того, они были выраженіемъ личной жизни автора, чувствъ, дѣйствительно имъ пережитыхъ, мыслей, дѣйствительно имъ передуманныхъ? Тщательныя ивысканія біографовъ поэта привели къ тому выводу, что у Пушкина, за исключеніемъ самыхъ первыхъ его опытовъ, нѣтъ стихотворенія, нѣтъ образа, нѣтъ даже отдѣльной черты въ образѣ, которыя бы не имѣли своего основанія въ дѣйствительности. Въ глубинѣ души Пушкина всегда лежало стремленіе къ правдѣ и естественности. Разстояніе между его душою и его стихотвореніями было такъ мало, что меньше и не бываетъ и быть не можетъ.

„Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Тургеневъ, что нашимъ потомкамъ придется идти по пути, указанному Пушкинымъ, свойства поэзіи котораго совпадаютъ съ его свѣтлою личностію. Сила языка, прямотушіе съ правдивою искренностію и честность поражаютъ даже иностранцевъ. Сужденіе этихъ послѣднихъ для насъ драгоцѣнно, такъ какъ они свободны отъ увлеченія, ихъ не подкупаетъ общее поклоненіе. Бесѣдуя съ Мериме, я услышалъ отъ него слѣдующее: „Ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота является сама собой. Не то другіе поэты, гоняющіеся за эффектами и красотой: тѣ бываютъ правдивыми только тогда,

когда правда подвертывается имъ сама подъ руку. У Пушкина красота является изъ трезвой правды“. (Рѣчь Тургенева при открытіи памятника Пушкину).

Говоря о тѣсномъ единеніи души поэта съ ея созданіями, необходимо, однако, сдѣлать существенно-важное замѣчаніе. Пушкинъ никогда не оставлялъ своихъ произведеній въ той первоначальной формѣ, въ которой зарождались они подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ впечатлѣнія. Напротивъ, онъ перерабатывалъ ихъ, чтобы сгладить съ нихъ, такъ сказать, эту теплоту дѣйствительности, все частное, личное. И чѣмъ глубже дѣло касалось внутренней жизни поэта, тѣмъ дольше вынашивался поэтической образъ въ его душѣ, тѣмъ болѣе онъ измѣнялся въ обработкѣ, тѣмъ болѣе удалялся отъ дѣйствительнаго событія. Для подтвержденія этого можно указать на одинъ фактъ. Въ 1828 году тяжелое настроеніе поэта, въ самый день его рожденія, выразилось грустнымъ стихотвореніемъ: „Даръ напрасный, даръ случайный, жизнь зачѣмъ ты мнѣ дана?“ Митрополитъ Московскій Филаретъ, высоко цѣнившій талантъ и лице Пушкина, отвѣтилъ ему стихотвореніемъ, которое, какъ нельзя болѣе, подходило и къ собственному образу мыслей Пушкина. Пораженный этимъ трогательнымъ знакомъ участія и вниманія знаменитаго іерарха, поэтъ отвѣтилъ въ свою очередь стихами:

„Въ часы забавъ иль празднои скуки“....

Послѣдняя строфа этаго стихотворенія читалась:

„Твоимъ огнемъ душа согрѣта,

Отвергла блескъ земныхъ суетъ,

И внемлетъ арфѣ Филарета,

Въ священномъ ужасѣ поэтъ“.

Но слишкомъ прямое указаніе на дѣйствительность заставило Пушкина укрыть истинный смыслъ стихотворенія и дать ему характеръ чисто поэтическаго образа:

„Твоимъ огнемъ душа палима,

Отвергла блескъ земныхъ суетъ,
 И внемлетъ арфѣ Серафима,
 Въ священномъ ужасѣ поэтъ“.

И причина этихъ передѣлокъ заключалась вовсе не въ художественныхъ требованіяхъ, а въ глубокомъ нравственномъ чувствѣ поэта. „Если-бы мы захотѣли, говорить профессоръ Никольскій, опредѣлить самую сокровенную сущность души поэта, то мы назвали-бы ее цѣломудріемъ. Отсюда замѣшательство, робость, застѣнчивость, неловкость тамъ, гдѣ Пушкинъ долженъ былъ выразить свое истинное чувство.... Пушкинъ зналъ это свойство своей природы и не только старался таить въ себѣ свои лучшія свойства, такъ что чѣмъ святѣе было для него чувство, тѣмъ меньше онъ его высказывалъ, — но еще, какъ разъ напротивъ, — всячески старался отречься отъ этого чувства, даже осмѣять его, лишь бы не приписали ему его, и — наоборотъ охотно и добровольно бралъ на себя разные пороки и по преимуществу тѣ, которые были противоположны затаеннымъ въ немъ добродѣтелямъ. Это добровольное, какъ выразился одинъ изъ его біографовъ, (Бартыневъ), *юродство* поэта еще болѣе запутывало сужденія о немъ“ „(Идеаль Пушкина)“. Самъ Пушкинъ сознается въ этомъ юродствѣ, когда говоритъ: „Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таить ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ ея хранилище. И какъ судить о свойствѣ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто по какому либо своенравному убѣжденію ума своего онъ можетъ выставить на позоръ толпѣ самую лучшую сторону своего нравственного бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза одними своими странностями“. (Анекдотъ о Байронѣ). На эти

слова нельзя иначе смотрѣть, какъ на публично оправданіе самаго Пушкина.

Итакъ искренность, правдивость Пушкина внѣ всякаго сомнѣнія.

Еще одно замѣчаніе существенно важное для правильнаго сужденія о поэзіи П. Между его произведеніями, по преимуществу первой молодости, есть такія, которыя подавали поводъ смотрѣть на Пушкина какъ на эпикурейца низкой пробы и безбожника. Эта репутація въ глазахъ многихъ осталась за нимъ не только въ позднѣйшій періодъ его творчества, когда въ его образѣ жизни, въ его воззрѣніяхъ и направленіи его поэзіи давно совершился рѣшительный переломъ, но отчасти еще и теперь держится, по крайней мѣрѣ въ средѣ людей, которые никогда серьезно не изучали произведеній Пушкина и не обращали вниманія на условія жизни поэта (Гротъ). Когда онъ вступилъ въ жизнь, его окружали соблазны необыкновенно сильные и увлекающіе: во 1-хъ, свободомысліе, тогдашній нашъ революціонизмъ, подготовлявшій декабрьскій мятежъ; другой соблазнъ былъ — большой свѣтъ, тогдашнее избранное общество, открывшее къ себѣ доступъ поэту за его талантъ и манившее молодого человѣка своимъ блескомъ и тщеславіемъ. Прибавимъ сюда кутежъ, разгулъ неслыханныхъ размѣровъ тогдашней аристократической молодежи, въ кругъ которой вступилъ поэтъ по выходѣ изъ лицея, и которая увлекала его во всѣ оргіи, какія могла придумать жажда веселія, не стѣсняемая матеріальными средствами и нравственными правилами. Что же удительнаго, что грязныя волны жизни иногда обдавали его своими брызгами и что слѣды ихъ пѣны оставались и на его произведеніяхъ? Гораздо важнѣе то, что, пройдя черезъ всѣ житейскія искушенія, переболѣвши недугами своего времени, Пушкинъ, однако, сумѣлъ отъ нихъ освободиться и взлетѣть на такую

нравственную высоту, на которую едва могли поднять взоры многие из тѣхъ, слабости которыхъ раздѣлялъ онъ. Кроме того, юношескія произведенія П., о которыхъ идетъ рѣчь, были чужды душѣ его, противорѣчили ея истинной сущности, что и выразилъ онъ въ слѣдующемъ замѣчательномъ стихотвореніи, написанномъ въ 1819 году (Возрожденіе).

„Художникъ—варваръ кистью сонной
 Картину генія чернить
 И свой рисунокъ беззаконный
 Надъ ней бессмысленно чертитъ.
 Но краски чуждыя съ лѣтами
 Спадають ветхой чешуей;
 Созданыя генія предъ нами
 Выходить съ прежней красотой.
 Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней“.

Къ заблужденіямъ своей измученной души поэтъ былъ далеко не безразличенъ, о чемъ говорятъ горькія слезы раскаянія, знакомыя ему не по слухамъ только. Въ стихотвореніи „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (1824 г.) мы читаемъ слѣдующую исповѣдь Пушкина:

« . . . . .
 . . . . . Теперь въ глуши
 Безмолвно жизнь моя несется;
 Стоянь лиры вѣрной не коснется
 Ихъ легкой, вѣтренной души;
 Не чисто въ нихъ воображенье,
 Не понимаетъ насъ оно
 И, признакъ Бога, вдохновенье
 Для нихъ и чуждо и смѣшно.
 Когда на память мнѣ невольню

Придетъ внушенный ими стихъ,
 Я содрогаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
 Къ чему, несчастный, я стремился?
 Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
 Ахъ лира, лира! что же ты
 Мое безумство разгласила?
 Ахъ, еслибъ Лета поглотила
 Мои летучія мечты! (24 г.).

Еще рѣзче онъ осуждаетъ грѣхи юности въ стихотвореніи
 „Воспоминаніе“, написанномъ въ 1828 году.

„Когда для смерти умолкнетъ шумный день
 И на нѣмые стогны града
 Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
 И сонъ, дневныхъ трудовъ награда, —
 Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
 Часы томительнаго бдѣнья:
 Въ бездѣйствіи nocturno живѣй горять во мнѣ
 Змѣи сердечной угрызенья;
 Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
 — Воспоминаніе безмолвно предо мной
 Свой длинный развиваетъ свитокъ:
 И съ отвращеньемъ читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклиная,
 И горько жалуясь, и горько слезы лью,
 Но строкъ печатныхъ не смываю.
 Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
 Въ безумствѣ гибельной свободы,
 Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
 Мои утраченные годы“.

Такъ глубоко и искренно сожалѣеть поэтъ о многихъ своихъ юношескихъ созданіяхъ! А это сожалѣніе не о томъ ли говорить, что природа Пушкина была глубоко-нравственна, чужда той грязи, къ которой невольно прирожался чистый его образъ? Этотъ чистый образъ поэта явится предъ нами еще въ болѣе блестящемъ ореолѣ, если мы припомнимъ одну очень важную черту въ натурѣ Пушкина, нерѣдко подававшую поводъ къ отрицанію въ немъ твердыхъ нравственныхъ началъ. Черта эта — несчастное наслѣдство, доставшееся ему отъ его прадѣда по матери — арабская кровь, бывшая для Пушкина источникомъ многихъ бѣдствій. Кровь эта клокотала, бурлила и кипѣла, особенно когда поэту казалось, что затрогивалась его честь. Обыкновенно благородный въ спокойныя минуты творчества, онъ терялъ разумъ въ приливѣ страсти: она переходила у него въ бѣшеные порывы и онъ дѣлалъ безразсудство. Арабская кровь нарушала миръ его души, раздвояла его, ставила въ противорѣчіе съ самимъ собою. Человѣкъ, сумѣвшій еще въ молодости совладать съ своею страстною натурою, подчинить ее законамъ разума и нравственности, — достоинъ вниманія и глубокаго уваженія, а таковъ человѣкъ былъ Пушкинъ.

Указавъ въ общихъ чертахъ на нѣкоторыя особенности Пушкина, по нашему мнѣнію существенно важныя для пониманія поэзіи его, перейдемъ къ главной задаче нашей — опредѣленію его идеаловъ.

На поэзію Пушкинъ смотритъ какъ на святыню, почему она и не была для него праздною забавой, а дѣломъ жизни, которому отдалъ онъ все свои лучшія и благородныя движенія сердца. Эти движенія сердца нашли себѣ мѣсто въ цѣломъ рядѣ высоко-художественныхъ созданій, въ тѣхъ поэтическихъ образахъ, въ которыхъ по преимуществу выразились его нравственныя воззрѣнія. Созданіе этихъ образовъ собственно начинается со времени высылки поэта изъ

Петербурга и жизни его на югѣ Россіи, а потомъ въ с. Михайловскомъ. Эта ссылка, особенно въ Михайловскомъ уединеніи, была для П. истиннымъ благодѣяніемъ, дѣломъ особеннаго попеченія о немъ промысла Божія, хранившаго поэта для его будущихъ великихъ созданій: она вырвала Пушкина изъ дурно вліявшей на него Петербургской среды и въ относительномъ уединеніи сберегла его отъ многихъ опасностей, дала полезные уроки и открыла поприще для размышленія и самоуглубленія.

Пересмотримъ художественные образы, созданные Пушкинымъ съ этой эпохи. Въ преемственности чертъ, принадлежащихъ этимъ образамъ, есть два неодинаковыя теченія, которыя идутъ сначала разрозненно, потомъ сближаются, пересѣкаются и наконецъ рѣшительно перемѣщаются, такъ что черты, первоначально стоявшія на заднемъ планѣ, становятся первостепенными и господствующими. Несомнѣнно, что эти послѣднія черты и составляютъ истинную сущность поэзіи Пушкина, потому что составляютъ истинную сущность его собственной челевѣческой личности. Слѣдя за ихъ развитіемъ, мы по необходимости будемъ отступать отъ хронологической преемственности въ созданіи этихъ образовъ, но это отступленіе неизбежно.

Созданіе произведеній, съ наибольшою ясностію выражающихъ нравственныя воззрѣнія Пушкина, совпало съ вліяніемъ на него Байрона, которое, впрочемъ, было не продолжительно и не глубоко. Оно началось съ 1821 года, а въ 1824 году Пушкинъ съ нимъ уже распростился. При томъ это вліяніе было исключительно литературное и нисколько не коснулось образа мыслей, а тѣмъ болѣе убѣжденій нашего поэта. Подъ вліяніемъ Байрона Пушкинъ написалъ поэмы: „Кавказскій плѣнникъ“, „Братья разбойники“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Цыганы“ и первыя главы романа „Евгеній Онѣгинъ“. Въ этихъ произведеніяхъ, рядомъ

съ героями, несомнѣнно сложившимися подъ вліяніемъ Байрона и не имѣющими подъ собою жизненной почвы, поставлены лица уже не съ байроновскими чертами, а чисто пушкинскими, лица, наиболѣе для насъ важныя.

Кавказскій плѣнникъ — съ его, будтобы, знаніемъ свѣта и людей, съ его стремленіемъ къ призрачной свободѣ и чувственнымъ эгоизмамъ — блѣднѣетъ предъ образомъ черкешенки. Она существо дѣтски чистое, все просвѣтленное поэзіей любви; чувство ея глубоко-нѣжное, но въ тоже время полное энергіи. Но при всей силѣ своего чувства, она, не дѣлаясь его рабой, способна на самопожертвованіе. Вдумываясь въ характеръ черкешенки, невольно является вопросъ: неужели это дикая дочь Кавказа? Не сказать-ли скорѣе, что это настоящая русская женщина, для которой права другого сердца дороже ея собственнаго счастья?

Мутный образъ Кавказскаго плѣнника съ большею ясностію переработался Пушкинымъ въ образъ Алеко, героѣ поэмы „Цыганы“. Алеко уже не мечтатель, какъ плѣнникъ, онъ дѣятель: не даромъ его преслѣдуетъ законъ. Но онъ не простой преступникъ, — онъ вступилъ въ борьбу съ закономъ, протестуя во имя свободы. Этотъ протестъ заставилъ его оставить цивилизованное общество и искать для себя свободы среди цыганъ, ихъ вольности, не стѣсняемой закономъ гражданскаго общежитія. Но что такое свобода безъ закона? Свобода безъ закона — это или та нравственная высота, на которой уже дѣйствительно человѣку законъ не лежитъ, или необузданный эгоизмъ страстей. Алеко представитель послѣдняго. Онъ забылъ, что отрицаніе закона ведетъ къ отрицанію правъ, обязанности, — и заговорилъ о своихъ правахъ, о мщеніи, о казни.... (Никольскій) Устами старика цыгана поэтъ осудилъ эгоизмъ и жестокость своего героя:

Тогда старикъ, приближась рекъ:

„Оставь насъ гордый человѣкъ!

Мы дикы, нѣтъ у насъ законовъ,
 Мы не терзаемъ, не казимъ,
 Не нужно крови намъ и стоновъ;
 Но жить съ убійцей не хотимъ.
 Ты не рожденъ для дикой доли,
 Ты для себя лишь хочешь воли;
 Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ.
 Мы робки и добры душою
 Ты золь и смѣль — оставь-же насъ“....

Старикъ — цыганъ представитель въ поэмѣ людей простыхъ и близкихъ къ природѣ. Онъ добръ, кротокъ, великодушень, незлобивъ. Если образъ Алеко созданъ подъ вліяніемъ еще Байрона, то подъ какимъ же вліяніемъ созданъ этотъ старикъ? Было бы наивно думать, что Пушкинъ встрѣтилъ его въ бессарабскихъ степяхъ, въ цыганскомъ таборѣ. Очевидно, это идеаль пушкинскій, это художественный образъ нравственной природы поэта, выраженіе его собственнаго понятія о свободѣ, понятія, сложившагося въ русской душѣ поэта, пришедшій въ соприкосновеніе съ народными началами, съ народными понятіями.

Между поэмами „Кавказскій плѣнникъ“ и „Цыганы“ были написаны поэмы „Братья разбойники“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“. „Братья разбойники“ отрывокъ, оканчивающійся словами:

«Въ ихъ сердцѣхъ дремлетъ совѣсть:

Она проснется въ черный день».

Этими словами Пушкинъ осудилъ зло, говоря, что всякое нарушеніе нравственныхъ правилъ человѣческаго общенія влечетъ за собою серьезную кару, орудіемъ которой является совѣсть.

Въ поэмѣ „Бахчисарайскій фонтанъ“, написанной также подъ вліяніемъ Байрона, Пушкинъ идетъ дальше въ своихъ идеальныхъ воззрѣніяхъ. Дикій татаринъ Гирей, герой поэмы,

деспоть среди своей орды, вдругъ отказывается отъ всего, что прежде составляло для него жизнь, лишается покоя, какъ будто смиряется, и отчего? Въ его душу проникъ идеаль красоты въ лицѣ молодой плѣнницы—христіанки и какъ бы переродилъ его натуру. Онъ сталъ совсѣмъ въ иныя отношенія къ плѣнницѣ, не привычныя для хана, отказался отъ грубаго своеволия. И причиной тому былъ чистый, свѣтлый образъ Маріи, плѣнницы—христіанки. Марія не знаетъ и не понимаетъ жизни людей, окружающихъ ее въ ханскомъ дворцѣ. И мнится, говоритъ поэтъ, что въ ея жилищѣ, гдѣ позволено ей быть одинокой, гдѣ она плачетъ и грустить,

„Сокрылся нѣкто не земной.

Тамъ день и ночь горитъ лампада

Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;

Души тоскующей отрада,

Тамъ упованье въ тишинѣ

Съ смиренной вѣрой обитаетъ,

И сердцу все напоминаетъ,

О близкой лучшей сторонѣ....

Тамъ дѣва слезы проливаетъ

Вдали завистливыхъ подругъ;

И между тѣмъ, какъ все вокругъ

Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,

Святыню строгую скрываетъ

Спасенный чудомъ уголокъ“.

И что именно этотъ мотивъ, а не байронизмъ Гирея составлялъ душевную правду Пушкина, доказываетъ непосредственно за этимъ слѣдующее лирическое и очевидно личное отступление:

„Такъ сердце, жертва заблужденій,

Среди нарочныхъ упоеній,

Хранитъ одинъ святой залогъ,

Одно божественное чувство“.

Глубокое увлеченіе поэта чистотою Маріи сказалось въ томъ, что эта чистота составляетъ душу всего произведенія, основную идею поэмы. Идея эта — просвѣтленіе и возрожденіе человѣка, погружившагося въ матеріальную животную жизнь, силою чистой духовной любви. Предъ нею преклоняется все: суровый Гирей перерождается предъ ея могучимъ дѣйствіемъ; сама Зарема, съ ея чувствомъ ревности, побѣждена чистотой своей мнимой соперницы. Эта чистота и нѣжная грусть Маріи даютъ общій тонъ поэмѣ, и отъ того она вся чиста съ перваго стиха и до послѣдняго.

Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ проводитъ идею законнаго, нравственнаго долга. Съ наибольшею силою и яркостію эта мысль выражается поэтомъ въ величавомъ, высокохудожественномъ образѣ Татьяны, героинѣ романа „Евгеній Онѣгинъ“. Евгеній Онѣгинъ, изображается въ романѣ человѣкомъ холоднымъ, эгоистомъ, оторваннымъ отъ родной почвы. „Не такова, говоритъ Достоевскій, Татьяна: это типъ твердый, стоящій твердо на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и, конечно, умнѣ его. Она уже однимъ благороднымъ инстинктомъ своимъ предчувствовала, гдѣ и въ чемъ правда, что и выразилось въ финалѣ поэмы.... Это положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначилъ поэтъ высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣдней встрѣчи Татьяны съ Онѣгиннымъ, когда послѣдняя сказала:

„.... я другому отдана;

Я буду вѣкъ ему вѣрна“.

Въ этихъ словахъ поэтъ выразилъ величіе Татьяны, ея спокойное достоинство, основанное на непоколебимомъ чувствѣ долга.

Въ чемъ-же тайна силы и величія Татьяны? Въ самомъ простомъ и, на взглядъ иныхъ людей, малозначущемъ фактѣ,

въ уваженіи Татьяной святости брачнаго союза, союза, къ которому съ не меньшимъ уваженіемъ относился и самъ Пушкинъ, какъ это неоднократно и выразилъ онъ въ своихъ произведеніяхъ. Приведемъ доказательство тому. Марья Кирилловна Троерукова противъ воли повѣнчана съ старикомъ княземъ Верейскимъ. Дубровскій, который обѣщаль освободить ее отъ этого брака, но по сдѣленію обстоятельствъ не успѣлъ этого сдѣлать, на обратномъ пути изъ церкви останавливаетъ карету молодыхъ. „Вы свободны“, сказалъ Дубровскій, обращаясь къ княгинѣ. — „Нѣтъ“, отвѣчала она: „поздно! я обвѣнчана, я жена князя...“ „Что вы говорите!“ закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій: „нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены: вы никогда не могли согласиться“.... — „Я согласилась, я дала клятву“, возразила она. „Князь мой мужъ, прикажите освободить его и оставьте меня съ нимъ.... Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты . . . . но теперь говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ“. Еще сильнѣе доказываетъ мысль нашу мотивъ, на который построена повѣсть „Метель“. Марья Гавриловна безъ согласія родителей, тайно рѣшается обвѣнчаться съ своимъ сосѣдомъ Владиміромъ. Поднявшаяся метель сбиваетъ съ дороги жениха, слѣдившаго къ ожидавшей его въ церкви невѣстѣ, а между тѣмъ проѣзжіи проказникъ—офицеръ, въ темнотѣ деревенской церкви и суматохѣ принятый за жениха, вѣнчается съ Марьей Гавриловной. Недоразумѣніе обнаруживается, проказникъ—женихъ исчезаетъ; Владиміръ отправляется на войну и раненый умираетъ. Тайна этого брака никому неизвѣстна. Но М. Г. отказываетъ всѣмъ женихамъ, пока, наконецъ, не привлекъ къ себѣ ея сочувствія молодой полковникъ Бурминъ. Настаетъ минута объясненія. Оказывается, что Бурминъ женатъ, и женатъ именно на М. Г. Допустимъ, что повѣсть имѣетъ характеръ анекдотическій; но могла ли бы

она и появиться, если бы ей не предшествовала мысль, что ракъ, даже такой странный и случайный, все таки святъ и ненарушимъ? Такъ Пушкинъ выразилъ въ своихъ произведеніяхъ идею нравственнаго долга, дающую его поэзіи глубокое значеніе.

Съ 1825 года, во время пребыванія въ с. Михайловскомъ, Пушкинъ, по единогласному признанію біографовъ и критиковъ, глубоко и безповоротно проникается русскою народностію и становится русскимъ народнымъ поэтомъ. Съ этого времени нѣтъ русской народной особенности, нѣтъ глубокаго народнаго инстинкта, которые бы не жили въ душѣ Пушкина и не нашли бы себѣ яркаго поэтическаго выраженія въ его созданіяхъ. Пушкинъ угадалъ предназначеніе своей страны родной, понялъ, что это предназначеніе она можетъ выполнить только оставаясь сама собой, только слѣдуя тѣмъ путемъ, который указанъ ей предыдущей исторіей, развивая тѣ начала, какія заложены въ духѣ народа и выразились въ его бытѣ, возрѣніяхъ и убѣжденіяхъ. Что дѣйствительно въ этомъ смыслѣ прежде всего Пушкинъ былъ народнымъ русскимъ поэтомъ, — подтвержденіемъ служатъ произведенія и эдеи, выраженные въ нихъ. Между такими произведеніями первое мѣсто по времени и важности занимаетъ драматическая хроника „Борисъ Годуновъ“. Не касаясь исторической и художественной стороны „Бориса Годунова“, обратимъ вниманіе на одно дѣйствующее лице въ произведеніи, которое служитъ выразителемъ взглядовъ Пушкина, созрѣвшихъ въ его душѣ. Лице это — народъ. Въ то время, какъ Борисъ Годуновъ испытывалъ кару суда Божія, терпя страшныя угрызенія совѣсти, запятненной царубійствомъ, въ то время произноситъ надъ нимъ судъ и народъ, о чемъ мы узнаемъ изъ знаменитаго монолога Бориса: „Достигъ я высшей власти“. Напрасно Годуновъ старается быть добрымъ царемъ „щедротами синскать любовь“ народа, послѣдній ничему этому не хочетъ вѣрить:

„Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я отворилъ имъ житницы; я злато
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они жъ меня, бѣснуйсь, проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища:
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вотъ черни судъ, ищи жъ ея любви!“

Здѣсь виденъ тотъ грозный судья Бориса, котораго нельзя привлечь на свою сторону ни ласками, ни золотомъ. Но еще знаменательнѣе сказывается этотъ судъ въ приговорѣ надъ самозванцемъ. На предложеніе Мосальскаго „Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Іоановичъ!“ — *народъ безмолвствуетъ*. А безмолвствуетъ онъ въ драмѣ потому, что въ данномъ случаѣ является выразителемъ личныхъ взглядовъ поэта, постигшаго правду души русскаго народа. „Въ то время, говоритъ профессоръ Никольскій, — когда въ Михайловской глуши Пушкинъ перерабатывалъ въ новые идеалы свои прежнія понятія, воспроизводя образъ Бориса Годунова, углублялся въ тайны нашего историческаго бытія, вдали отъ него жизнь шла своимъ чередомъ по намѣченной колѣѣ и пришла прямо къ 14 декабря. Пушкинъ не видѣлъ этого событія своими глазами, но онъ зналъ, что въ этомъ пробный день, въ который наносныя западныя идеи вздумали прикоснуться къ основамъ нашего историческаго бытія, въ этотъ день *народъ безмолвствовалъ*. Пушкинъ понялъ смыслъ этого событія, понялъ, что безъ народа его судебъ рѣшать нельзя, что преступно навязывать народу свои идеи, будто бы клонящіяся къ благу того же самаго народа. Позднѣе онъ писалъ: „Молодой чловѣкъ! Если записки мои попадутъ въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній“. Такъ Пушкинъ понималъ предназ-

наченіе родной страны, полагая успѣхъ народнаго благосостоянія въ его историческихъ основахъ.

Съ вопросомъ о народности тѣсно связанъ у Пушкина идеаль царской власти, служащій выраженіемъ его гражданскихъ убѣжденій и патриотизма.

Обращаясь къ историческому прошлому, поэтъ создалъ идеаль царя, сливъ его съ тѣмъ образомъ, который знакомъ каждому русскому человѣку, знакомъ потому, что съ нимъ связалось представленіе народнаго просвѣщенія, неутомимаго труда на общую пользу, строгой справедливости, безкорыстнаго служенія государству и, наконецъ, царской милости. „Этотъ образъ поэтъ не сочинилъ, а только воскресилъ, или вызвалъ изъ прошлаго пережитаго русскимъ народомъ, образъ, принадлежащій русской исторіи (Стоюнинъ). И перо поэта начертило:

„Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязи:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой....
Самодержавною рукою
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не призиравъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье“ . (Стансы 1826 г.).

И послѣдній стихъ этого стихотворенія, выразившій желаніе поэта, чтобы новый царь (Николай 1-й) былъ во всемъ пращурю подобенъ,

„Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, не злобенъ“ ,

выражаетъ въ тоже время и самую симпатичную черту царственнаго идеала. Въ Петрѣ В. Пушкинъ видѣлъ соединеніе царскаго могущества съ милосердіемъ, неустаннаго труда на общую пользу съ любовью къ народу и отечеству. Но если это политическое могущество, соединенное даже съ мило-

сердіемъ, не опиралось на твердыхъ историческихъ основахъ народнаго бытія, — тогда оно не имѣло въ глазахъ Пушкина настоящей цѣны и достоинства. Этимъ можно объяснить, почему Пушкинъ не сочувствовалъ эпохѣ Александра 1-го.

Время Императора Александра Благословеннаго было временемъ высшаго господства европеизма въ русской жизни. Восторженный поклонникъ Запада, ученикъ республиканца Лагарпа, окруженный министрами, иногда даже неумѣвшими говорить по-русски, Императоръ Александръ 1-й въ самомъ началѣ своего царствованія сталъ во главѣ такъ называемаго либеральнаго движенія, стремившагося къ пересадкѣ на русскую почву западныхъ идей и учреждений, несомнѣнно изящныхъ, благородныхъ и гуманныхъ, но не связанныхъ ни съ исторіей, ни съ устройствомъ, ни съ бытомъ, ни съ задачами Россіи. Съ этой политикой Александра 1-го Пушкинъ во всю свою жизнь примириться не могъ. Но личные чувства Пушкина смолкали каждый разъ, когда предъ нимъ Императоръ Александръ являлся, какъ лице историческое. Доказательствомъ тому служить его стихотв. 19 октября 1836 года, написанное въ предсмертную лицейскую годовщину. Совсѣмъ въ иныя отношенія станонится Пушкинъ съ перваго-же раза къ Императору Николаю 1-му, котораго онъ любилъ не только за то, что послѣдній почтилъ въ немъ вдохновенье, освободилъ мысль его, но главнымъ образомъ за возвращеніе царя къ народнымъ и историческимъ началамъ. Въ немъ поэтъ видѣлъ идеаль царя, который такъ дорогъ былъ русскому сердцу поэта. Нѣкоторые изъ современниковъ обвиняли Пушкина въ лести царю; на это обвиненіе поэтъ отвѣтилъ:

„Нѣтъ, я не льстець, когда царю
Хвалу свободную слагаю;

Я смѣло чувство выражаю,

Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:

Онъ бодро, честно нами править...

Нѣтъ, братья, лъстець лукавъ:
 Онъ горе на царя накличетъ,
 Онъ изъ его державныхъ правъ
 Одну лишь милость ограничить.“

Милость—одна изъ существенныхъ чертъ въ пушкинскомъ идеалѣ царя, о чемъ свидѣтельствуемъ Гоголь, передавая намъ сужденіе поэта о самодержавной власти. „Зачѣмъ нужно, говоритъ онъ, чтобы одинъ изъ насъ стоялъ выше всѣхъ и даже выше самаго закона? Затѣмъ, что законъ—дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и не братское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона далеко не уйдешь; нарушить-же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая власть, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ въ одной полномочной власти. Поэтическимъ выраженіемъ этой мысли Пушкина служить повѣсть „Анджело“. Пушкинскій идеалъ царя не исчерпывается одною милостію: она у него неразлучна съ царскимъ правосудіемъ. И что особенно важно—соединеніе этихъ чертъ у Пушкина служить выраженіемъ не его личныхъ только воззрѣній, но и народныхъ. Вотъ доказательство тому. Богатый и сильный помѣщикъ Троеруковъ (Повѣсть Дубровскаго) насиліемъ и неправдою отнялъ имѣніе у своего сосѣда Дубровскаго. Сынъ послѣдняго Владиміръ служилъ въ гвардіи въ Петербургѣ; и вотъ вѣрная раба его нянька пишетъ ему: „Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ отдать насъ подъ началъ Кириллу Петровичу Троерукову—потому что мы дескать ихніе, а мы искони ваши—и отъ роду того не слыхивано. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю—Батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду“. Полнаго своего выраженія эта идея единенія милости и правды у трона достигаетъ въ высокохудожественной сценѣ между Императрицею Екатериною и Марьей Ивановной въ „Капитанской дочкѣ“. А что Пушкинъ въ этомъ случаѣ говорилъ правду своего сердца, подтвержденіемъ служатъ опять слова Гоголя: „Какъ Пуш-

кинъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого либо изгнанника, или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ упавшемъ, несчастномъ"! Но Пушкинъ не передъ трономъ только былъ заступникомъ этихъ падшихъ несчастныхъ. Онъ, поэтъ красоты, находя и указывая намъ слѣды нравственной красоты даже въ душѣ тѣхъ людей, которые повидимому потеряли обликъ человѣческой, старается пробудить и въ нашей душѣ [доброе чувство состраданія къ падшимъ людямъ. Въ свирепой душѣ Пугачева (въ повѣсти „Капитанская дочка“) онъ сумѣлъ подмѣтнуть человѣческое чувство благодарности, гуманный порывъ великодушія, негодованіе, что смѣютъ обижать сироту. Скупой баринъ („Скупой рыцарь“) кажется утратилъ все человѣческое, даже любовь и уваженіе къ самому себѣ, а между тѣмъ поэтъ видитъ въ немъ живое чувство чести и показываетъ намъ, какъ, неожиданно пробужденное, оно потрясаетъ всю душу скупца, — и вмѣсто ненависти и презрѣнія мы чувствуемъ состраданіе къ падшему брату. Теперь понятно, какой смыслъ имѣютъ въ устахъ поэта слова:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,

Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ

И милость къ падшимъ призывалъ.“

Съ политическими убѣжденіями Пушкина тѣсно связано его патріотическое чувство. Патріотизмъ есть чувство очень сложное; оно является часто въ видѣ грубыхъ, слѣпыхъ пристратій къ своему, въ видѣ закоснѣлости въ привычкахъ и нравахъ; но онъ можетъ восходить и до самой чуткой и возвышенной преданности лучшимъ началамъ своего народа. Таковъ былъ патріотизмъ Пушкина; слѣпое пристрастія въ немъ не было. Въ твореніяхъ Пушкина бьетъ та живая струя любви къ родинѣ, которая переливается изъ сердца въ сердце и вноситъ бодрость и энергію въ людскую дѣятельность, изгоняя изъ нея сонъ, апатію и уныніе. Дока-

зательствомъ глубокой любви поэта къ отечеству служить слѣдующее мѣсто изъ его письма къ П. Я. Чаадаеву: „Хотя я лично сердечно привязанъ къ Императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель—я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками—я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, не имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какою намъ Богъ ее послалъ“. Въ величественныхъ сдахъ „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“ Пушкинъ далъ поэтической образецъ своихъ политическихъ взглядовъ. Когда поэтъ грозилъ врагамъ Россіи, онъ какъ одну изъ самыхъ страшныхъ угрозъ говорилъ имъ:

„Иль русскаго царя уже беспильно слово?“

Всѣ русскіе люди, конечно, знаютъ этотъ вопросъ и повторяютъ его. Въ минуты унынія, когда надвигаются великія внѣшнія опасности, или въ минуты гордости, когда мы предаемся великимъ надеждамъ и хотимъ внушить страхъ недругамъ мы говоримъ:

„Иль русскаго царя уже беспильно слово....

Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,

Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Калхиды,

Отъ потрясеннаго Кремля

До стѣнъ недвижнаго Китая,

Стальной щетиною сверкая,

Не встанетъ русская земля?“

Поэтъ сердцемъ чувствовалъ, что наша сила, мощь Россіи въ томъ единодушіи и самотверженіи, которое воплощается для насъ въ повиновеніи нашемъ царю и глубокой любви къ отечеству.

Обратимся теперь къ важнѣйшимъ пушкинскимъ возрѣніямъ,—къ его религіознымъ убѣжденіямъ.

Не мало было раньше, да и теперь, пожалуй, можно встрѣтить людей, которые видятъ въ Пушкинѣ вольнодумца и безбожника. Между тѣмъ какъ даже въ молодости его,

сквозь видимое легкомысліе и беззавѣтную подчасъ веселость, въ сущности проглядываетъ серьезное настроеніе, строгій взглядъ на жизнь и теплое религіозное чувство, все болѣе и болѣе усиливавшееся съ годами. Въ своихъ „Матеріалахъ для Біографіи Пушкина“ Анненковъ говоритъ, что религіозное направленіе поэта начинается проявляться особенно съ 1833 года. Но вѣрнѣе будетъ сказать, что съ этого времени оно только сильнѣе обнаруживается въ литературной дѣятельности Пушкина, а не въ немъ самомъ. Посвянное въ дѣтской душѣ поэта рукой *подруги дней* его *суровыхъ*, его *голубки дряхлой*,—это чувство глубоко запало въ сердце и навсегда сохранилось тамъ. А что глубже лежало, то позже и всплыло. Выше мы указали на одну особенность Пушкина—таить въ себѣ лучшія свойства, такъ что чѣмъ святѣе было для него чувство, тѣмъ меньше онъ его высказывалъ. Неудивительно поэтому, что религіозное чувство, самое святое изъ чувствъ человѣческихъ, долго таилось въ душѣ поэта, прежде чѣмъ нашло выраженіе въ его поэзіи. Но уже въ раннихъ произведеніяхъ Пушкина мы встрѣчаемся съ нимъ. Еще восемнадцати лѣтнимъ юношей онъ написалъ стихотвореніе „Безвѣріе“, изображающее безотрадное состояніе человѣка, въ сердцѣ котораго нѣтъ живой вѣры. Поэтъ приглашаетъ заглянуть въ душу невѣрующаго:

„..... не тамъ, гдѣ каждый день

Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,

Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родного,

Въ бесѣдѣ съ другомъ, иль съ темною мечтою...

Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душою,

Своей ужасною томимый пустотою;

То горьки слезы леть, то рабъ страстей, волненья,

Напрасно ищетъ онъ уныныя развлеченья“.

Душа невѣрующаго вянетъ, дѣятельность сердца бесплодна, мучительна и томительна. Нѣтъ радости для невѣ-

рующаго ни гдѣ и ни въ чемъ: все для него бессмысленно, потому что онъ не видитъ Того, Кто всему даетъ смыслъ и значеніе. Особенно тяжело состояніе невѣрующаго, когда ему приходится испытывать невзгоды и превратности судьбы. Тогда

„Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ,
Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ за предѣловъ міра“.

Храмъ и молитва утѣшаютъ и примиряютъ другихъ, для невѣрующаго нѣтъ и этой отрады. Безотрадными, но чрезвычайна вѣрными штрихами Пушкинъ очертилъ состояніе души невѣрующаго! И очень ошибся бы тотъ, кто-бы подумалъ, что это стихотвореніе, какъ написанное для случая (читано на экзаменѣ въ лицей), не можетъ служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительнаго образа мыслей поэта. Пушкинъ никогда не умѣлъ притворяться: правдивость и откровенность, какъ мы знаемъ, составляли одну изъ выдающихся особенностей нравственнаго характера его.

Въ періодъ Петербургской жизни, до переѣзда на югъ Россіи, Пушкина, повидимому, не занимали религіозные вопросы, такъ какъ въ это время онъ не написалъ ни одного соотвѣтствующаго стихотворенія. Но намъ кажется, что отсутствіе религіозныхъ произведеній въ этотъ періодъ скорѣе должно быть объясняемо не холодностію поэта къ религіи, а нежеланіемъ его выставлять на позоръ передъ толпою свое святое чувство. Извѣстно, что Пушкинъ въ это время вращался въ обществѣ молодежи, которая щеголяла своимъ цинизмомъ и невѣріемъ.

Могъ ли поэтъ выступить передъ этимъ обществомъ съ тѣмъ, что дорого и свято для вѣрующаго человѣка,—съ своимъ религіознымъ чувствомъ? Отвѣтъ самъ собой поддается.—Но если окружающее общество не могло подавить въ поэтѣ религіознаго чувства, то нѣтъ сомнѣнія, что оно виновато въ томъ религіозномъ скептицизмѣ, который за-

крался въ душу Пушкина на югъ Россіи. Всѣ біографы согласны въ томъ, что сомнѣніе составляетъ вообще характеристическую черту личности поэта въ эпоху жизни на югѣ Россіи, и особенно въ Одессѣ. Какъ на самое яркое выраженіе религіознаго скептицизма поэта, обыкновенно указываютъ на одно его письмо, которое и послужило, между прочимъ, поводомъ къ высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ с. Михайловское. „Читаю библію, пишетъ онъ Пищу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ и единственный умный атей, котораго я еще встрѣчалъ. Онъ написалъ тысячу листовъ...., мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе, чѣмъ правдоподобная“. За это письмо, попавшееся въ руки Московской полиціи, поэта обвинили въ атеизмѣ. „Но если мы глубже вникнемъ въ смыслъ этого письма,—говоритъ профессоръ Незеленовъ, то увидимъ въ немъ не атеизмъ, а сомнѣніе, скептицизмъ. Оказывается, во 1-хъ, что поэтъ читаетъ библію, и она ему по сердцу; во 2-хъ, что атеисты, по его мнѣнію, глупы, кромѣ одного, встрѣтившагося ему въ Одессѣ англичанина, и въ 3-хъ, что система атеизма не утѣшительна, а если „правдоподобна,“ то „къ несчастію“. Ясно, что поэтъ не чужбѣ вѣры, онъ жаждетъ ее, но только не можетъ отдаться ей и, пожалуй, даже не совсѣмъ близокъ къ ней въ данную минуту, потому что переживаетъ періодъ сомнѣній“.

Злобный гений, вливавшій въ душу поэта холодный ядъ („Демонъ“), съ теченіемъ времени дальше и дальше удаляется отъ него и чистый духъ, сіявшій въ дверяхъ Эдема („Ангель“) болѣе и болѣе овладѣваетъ его думами и чувствами. Въ деревенской глуши, гдѣ поэтъ „отшельникомъ“ провелъ два года незамѣтныхъ, онъ читаетъ уже не Гунчисона, англійскаго философа-атеиста, а Четьи-Миней, къ которымъ онъ возвращался и впоследствии. Вліяніе дѣйствительно церковно-славянскаго языка, а не лѣтописнаго

только, замѣтно во многихъ мѣстахъ „Бориса Годунова“, а стихотвореніе „Пророкъ“ до того проникнуто библейскими образами и выраженіями, что его можно назвать столько-же славянскимъ, сколько и русскимъ.—Изъ вторичной поѣздки на Кавказъ въ 1829 году Пушкинъ возвратился съ слѣдующими мыслями, полными религіознаго значенія: „что дѣлать съ Черкесами?“ спрашиваетъ онъ. „Есть средство болѣе сильное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія, но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь хорошая, но развѣ апостольство съ ней не совмѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и ни кто еще изъ насъ и не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли мы исполняемъ долгъ христіанства? Кто изъ насъ мужъ вѣры и смиренія уподобится св. старцамъ, скитающимся по пустынямъ Азіи, Америки и Африки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живаго, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестятъ велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ

попадаетъ... Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ“. Мысли, высказанныя поэтомъ въ этомъ отрывкѣ, не замедлили найти и поэтической стоголосокъ: плодомъ ихъ, какъ видно изъ черновыхъ набросковъ поэта, должна была служить неоконченная поэма „Голубь“. Извѣстно, что величественная природа Кавказа нерѣдко наводила его на мысль о величіи Творца ея. Онъ, наиримѣръ, при видѣ монастыря на Казбекѣ, выражаетъ желаніе „въ сосѣдствѣ Бога скрыться“.

Въ 1830 году Пушкинъ пишетъ митрополиту Филарету:

„Въ часы забавъ, иль празднои скуки,

Бывало лиръ я моеи

Ввѣрять изнѣженныя звуки

Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой

Не вольно звонъ я прерывалъ,

Когда твой голосъ величавый

Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,

И ранамъ совѣсти моеи

Твоихъ рѣчей благоуханныхъ

Отрадень чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной,

Мнѣ руку простираешь ты,

И силою кроткой и любовной

Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,

Отвергла мракъ земныхъ суетъ,

И внемлетъ арфѣ Серафима

Въ священномъ ужасѣ поэтъ“.

1832 годъ полонъ образами изъ западныхъ религіозныхъ преданій, таковы: Юдиѳъ, Родригъ, Романсъ: Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный, Подражаніе Данту и друг. Эти произведенія показываютъ, что религіозное настроеніе все чаще и глубже охватывало душу Пушкина, и что оно отличалось такой-же чистотой и силой, какъ и другія движенія его души. Что

можетъ быть прекраснѣе и проще его глубоко прочувствованной любимой „Молитвы“, написанной за полгода до смерти?

„Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ.
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторять
 Во дни печальные великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
 И падшаго свѣжить невидимою силой:
 „Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
 Любоначали, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья;
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцаѣ оживи“.

Религіозное настроеніе Пушкина, выразившееся въ указанныхъ стихотвореніяхъ, но безспорно не вполне проявившее себя, не было слѣдствіемъ, такъ сказать, минутной только вспышки чувства; напротивъ, оно явилось результатомъ его глубокаго пониманія религіи, серьезнаго размышленія о ней и изученія христіанскихъ произведеній. Къ такому выводу приводятъ насъ свидѣтельства друзей Пушкина, которые говорятъ, что въ послѣднее время поэтъ находилъ неистощаемое наслажденіе въ чтеніи Евангелія, и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, заучивалъ наизусть. Съ какимъ благоговѣніемъ Пушкинъ относился къ Евангелію, говорятъ его-же собственныя слова: „Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано по всѣмъ концамъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра, изъ коей нельзя повторить ни одинаго выраженія,

котораго не знали-бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народа; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ, и такова ея вѣчно юная прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе! “ Но не Евангеліе только было предметомъ особеннаго вниманія Пушкина: черновыя тетради его наполнены выписками изъ Четьихъ-Миней и Пролога. По словамъ Анненкова, поэтъ въ 1835 г. помогаль и совѣтомъ и дѣломъ своему товарищу князю Эристову въ составленіи историческаго словаря о святыхъ, прославленныхъ въ російской церкви, и самъ перелагаетъ на простой языкъ повѣствованіе Пролога о житіи преподобнаго Саввы игумена. Не говоритъ ли все это о томъ, что Пушкинъ думаль, размышляль о церковности и любилъ ее? Она дорога была для русской души поэта, потому что онъ видѣль въ ней одну изъ чертъ греческаго вѣроисповѣданія, которое по словамъ Пушкина, „отдаленное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ“. Несомнѣнно, что религіозная настроенность нашла бы себѣ выраженіе въ поэтическихъ образахъ Пушкина, поживи онъ подольше. Но преждевременная смерть замкнула уста вѣщаго Бояна и не дала ему сказать послѣдняго слова, если, впрочемъ, не считать такимъ словомъ истинно христіанскую кончину поэта. Друзья Пушкина, присутствовавшіе у постели умирающаго, рассказываютъ, что онъ умеръ, какъ глубоко вѣрующій христіанинъ. Князь Вяземскій передаетъ: священникъ, напутствовавшій Пушкина, говорилъ мнѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ какимъ поэтъ исполниль послѣдній христіанскій долгъ. Своему секунданту Данзасу Пушкинъ, умирая, сказалъ: „требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему (виновнику смерти) и хочу умереть христіаниномъ“.

Великій русскій поэтъ, память котораго нынѣ чествуеть

вся Россія, угасъ не только въ цвѣтѣ лѣтъ, не только въ полной силѣ своего громаднаго таланта, но, можно смѣло сказать, какъ ни велики оставшіяся намъ отъ него произведенія, онъ умеръ только на пути къ высшимъ созданіямъ, въ которыхъ во всей полнотѣ и величїи выразились бы его идеалы. Этимъ произведеніямъ не суждено было осуществиться; но и то, что осталось намъ отъ гениальнаго поэта, ясно показываетъ въ немъ великую русскую душу, постигшую свой народъ. Онъ въ дивныхъ поэтическихъ образахъ явилъ намъ красоту души человѣческой, высказалъ завѣтныя вѣрованія русскаго народа, его крѣпкую вѣру въ идеаль царя, отмстителя неправдамъ, защитника угнетеннымъ, милосерднаго къ падшимъ. Онъ вѣрилъ въ высокое историческое предназначеніе своей страны, связавъ его съ православіемъ, какъ отличительной чертой нашей національности. Онъ честно и не лицемѣрно любилъ свой народъ, свою Россію и принесъ ей на служеніе свои силы, свой трудъ, свой дивный талантъ.

„Онъ въ своихъ созданіяхъ

Первый намъ самимъ открылъ,

Что таится въ русскомъ духѣ

Глубины и свѣжихъ силъ“ (Майковъ).

Вотъ почему и русскій народъ, воспитываемый и вдохновляемый поэзіей Пушкина, долго и долго будетъ гордиться именемъ своего великаго національнаго поэта, какъ мощнымъ проявленіемъ своей духовной зрѣлости и силы.

Г. М.

А. С. Пушкинъ, какъ воспитатель любви ко всему доброму и прекрасному.

Пока не требуетъ поэта

Къ священной жертвѣ Аполлонъ,

Въ заботахъ суетнаго свѣта

Онъ малодушно погружаетъ...

Но лишь божественный глаголь

До слуха чуткаго коснется,

Душа поэта ветрепнется,

Какъ пробудившійся орелъ.

Такъ говорилъ А. С. Пушкинъ о поэтѣ вообще, разумѣя, конечно, прежде всего самого себя, такъ онъ объяснялъ то

нерѣдкое несогласіе своихъ дѣйствій съ общими мотивами своей поэзіа, которое бросалось въ глаза его современникамъ. Дѣйствительно, съ самыхъ юныхъ лѣтъ и до послѣднихъ моментовъ жизни мы видимъ въ характерѣ нашего незабвеннаго поэта нѣкоторую двойственность;—въ его натурѣ какъ бы двѣ противоположныя личности, изъ которыхъ одна является бурной, мятежной, самолюбивой и гордой, а другая—спокойной, любящей, прекрасной и доброй. Такое совмѣщеніе двухъ рѣзкихъ противоположностей, (говорятъ знатоки человѣческой души), и само по себѣ есть уже признакъ особенной глубины характера,—есть знакъ величія натуры,—и въ А. С. это было лишь знакомъ величія,—того величія, которое съ такой поражающей яркостью блещетъ въ положительной, въ свѣтлой сторонѣ его души и жизни,—того величія, которое проявлялось въ минуты прикосновенія къ его чуткой душѣ божественнаго глагола,—того величія, которое вылилось въ его вѣщихъ пѣсняхъ любви и красоты; въ этихъ пѣсняхъ онъ недосыгаемо великъ, неподражаемо прекрасенъ! Въ каждой изъ нихъ вся его душа, просвѣтленная и окрыленная чудной высшей силой,—каждое изъ его твореній—блестящій лучъ его добраго генія, и понынѣ проникающій въ самое сердце всякаго, кто не утратилъ способности чувствовать любовь и красоту. Все разнообразіе жизни людской и жизни природы, какъ эхо, откликалось во всеобъемлющей душѣ поэта, и всѣ эти отклики полны самой чистой любви къ красотѣ души чело-вѣка, къ красотѣ въ природѣ. Вспомнимъ эти всѣмъ знакомыя творенія нашего художника—поэта, взгляды въ созданныя имъ лица и картины! онѣ, какъ живыя, цѣлой толпой встаютъ и нынѣ предъ нами, и на всѣхъ ихъ неизгладимая печать духовной красоты, всѣ онѣ окружены яркимъ ореоломъ любви къ нимъ поэта, всѣ онѣ его близкія, дорогія родныя. Мы затрудняемся, на какомъ изъ этихъ равно прекрасныхъ созданій первѣе остановить свой взоръ. Предъ нами многочисленная группа образовъ: тутъ

и дѣти, и юноши и дѣвы и люди со сложившимися вполне и окрѣпшими въ жизненной борьбѣ характерами, и люди преклонныхъ лѣтъ, уже совершившіе свой жизненный путь; — тутъ люди разныхъ званій и сословій, и разныхъ состояній.

Посмотрите, вотъ нѣсколько беззаботныхъ крестьянскихъ ребятишекъ съ гамомъ и крикомъ бѣгутъ къ своему отцу, другъ предъ другомъ стараясь поскорѣе сообщить ему страшную новость, что ихъ сѣти притащили мертвеца, а тамъ другая толпа такихъ же дѣтишекъ, съ раскраснѣвшимися отъ удовольствія и холода личиками, на конькахъ, на рѣкѣ оглашаютъ звонкій зимній воздухъ своими несмолкаемыми криками, — а вотъ еще — „дворовый мальчикъ въ салазки жучку посадилъ, себя въ коня преобразилъ; шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ: ему и больно и смѣшно, а мать грозить ему въ окно“. А чье это блѣдненькое, доброе, замкнутое въ себя, не по лѣтамъ осмысленное личико, съ широко раскрытыми недоумѣвающими глазками? Это милая Таня Ларина, — это она, — первая любимица нашего поэта; это она все еще раздумываетъ о той сказкѣ, которую сейчасъ услышала отъ няни: она такъ занята своими думами, что ее нисколько не интересуютъ даже веселья игры ея сестры съ подругами.

Но простите, милыя дѣтки, увлекающія насъ въ царство простого веселья, жизнерадостности, невинности, чистоты и кротости! Мы на минуту оставимъ васъ: намъ такъ хочется взглянуть и на тѣхъ вотъ дѣвицъ и юношей, что за вами. Кто это, приковывающая наше вниманіе, съ открытымъ румянымъ лицомъ, съ глазами — звѣздами, блестящими умомъ и скромностью? Это Марія Кочубей, краса черкасскихъ дочерей, — это бѣдная Марія, вовсе еще не предчувствующая недалекой своей горькой участи. А вотъ рядомъ съ ней Татьяна и Ольга Ларины; какія двѣ противоположности, и въ то-же время какъ хороши обѣ онѣ! Вглядитесь въ первую: она вся волнуется, глаза ея полны слезъ, сердце трепещетъ отъ ужаса, но надежда все еще не

покидаетъ ее. Недоброе что—то сулять ей вчерашнія святочныя гаданья! а сновидѣніе—такое странное, такое неприятное! оно вконецъ развѣнчиваетъ того, кого она признала образцомъ всего прекраснаго, всего совершеннаго, кому она открыла всю свою душу, живущую лишь любовью къ этому прекрасному; но она не хочетъ вѣрить сну, она говоритъ отъ себя разочарованіе; она такъ погружена въ свои думы, что бы могъ означать сонъ, что не замѣтила, какъ легче ласточки влетѣла къ ней ея сестра, авроры сѣверной алѣй, вся радостная и живая, какъ ея радужные сны, — влетѣла и давно уже спрашиваетъ, что Таня видѣла во снѣ.

А что это за уголокъ, гдѣ день и ночь горитъ ламаада предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой! кто въ немъ сокрылся неземной? Это въ плѣну у хана польская княжна, воплощенная невинность и красота, —этотъ ангелъ на землѣ, предъ которымъ благоговѣть самъ жестокій владыка Бахчисарая. А вотъ и юноша съ пылкимъ, благороднымъ, любящимъ сердцемъ, — юноша, который не остановится ни предъ какой опасностью для спасенія милаго существа; и только вѣрность присягѣ своему царю и чувство общественнаго долга у него неизмѣримо выше личнаго счастья—любви; —это русскій офицеръ Петръ Андреевичъ Гриневъ.

Но не одни образы святого дѣтства и юной силы, мечты и надеждъ оставилъ намъ поэтъ, не они одни останутся навсегда звѣздочками, разливающимися вокругъ себя иѣжный ласкающій свѣтъ во тмѣ житейской суеты. Его сердечные старики Гринева, безъ колебаній готовые отречься отъ единственнаго любимаго сына въ случаѣ его измѣны престолу своей родины; его Кочубей, невинно погибающій подъ топоромъ отъ оклеветавшаго его предъ царемъ измѣнника Мазеи; свѣтлый, высокій образъ лѣтописца Пимена, правдиво передающаго потомству труды, славу и добро своихъ царей и готоваго явиться предъ престоломъ Всевышняго съ молитвой за ихъ грѣхи!—все это яркіе свѣточи для насъ на трудномъ жизненномъ пути. А личность несчастнаго Бо-

риса Годунова, мучимаго совѣстью за „злое дѣло, крова-
вый грѣхъ“; а скупой рыцарь надъ грудями его золота, съ скре-
бящей сердце совѣстью, съ лицомъ искаженнымъ при мысли
о скорой разлукѣ съ золотомъ!—До тѣхъ поръ, пока живъ
на землѣ человѣкъ съ его добродѣтелями и слабостями, —
живы будутъ и эти могучіе образы, властно указывающіе
намъ на то, въ чемъ правда и добро, и какъ ужасно и
прискорбно зло. Какъ чародѣй какой, поэтъ уноситъ насъ
то въ далекое прошлое нашей родины, то даже за предѣ-
лы ея; онъ заставляетъ насъ то страдать вмѣстѣ съ его
страдающими героями, то радоваться ихъ радостями; потому
что всѣ они люди, и всѣмъ намъ, какъ и поэту, они близ-
кіе, родные. Такъ могущъ А. С. въ своей любви къ чело-
вѣку, ко всему прекрасному въ человѣкѣ.

Но мы оскорбили бы дорогую память нашего поэта, еслибъ
не упомянули о тѣхъ живыхъ, полныхъ прелести картинахъ
русской природы, которыми обставилъ онъ свои взлелѣян-
ные образы; да о нихъ и невозможно забыть русскому че-
ловѣку, потому что, оживленныя гениемъ поэта, онѣ одна
за другою непрестанно предъ нами. Вотъ навѣвающая на
душу тихую грусть вьюга, въ которой слышится то вой
звѣря, то плачь младенца; а вотъ на ясной, спокойной
лазури, послѣ грозы одинокая, грустная тучка, гонимая ла-
сковымъ вѣтеркомъ; предъ нами проходитъ то унылая очаро-
вательная осень, одѣтая багрянцемъ луговъ и лѣсовъ;
то величавая, спокойная сѣдая чародѣйка зима, одѣвающая
всю природу въ бѣлый блестящій саванъ, то шумная, жиз-
нерадостная, съ улыбкой на устахъ, юная красавица весна.

Но довольно! Намъ долго пришлось бы говорить, чтобъ
только назвать всѣ тѣ картины природы, которыми Пуш-
кинъ доставляетъ намъ столько истинно высокого наслажде-
нія и безъ которыхъ мы спокойно прошли бы мимо мно-
гихъ красотъ въ природѣ, не почувствовавъ ихъ прелести.

Всѣ эти картины и всѣ пушкинскіе образы и есть имен-
но тѣ силы, которыя способны развить во всякомъ любовь

къ правдѣ, добру и красотѣ; воспитать все благородное кроткое, нѣжное, — тѣ силы, которыя и въ зрѣломъ возрастѣ ударять со всею мощью по этимъ струнамъ человѣчности, а въ преклонные годы внесуть въ душу высочайшее наслажденіе своей тихой, роскошной гармоніей. Да, они именно таковы; и потому никто изъ русскихъ поэтовъ съ такимъ правомъ, какъ Пушкинъ, не можетъ быть названъ воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства, чувства красоты и человѣколюбія; онъ на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ; самая грусть его какая то тихая, свѣтлая, умиряющая муки души и исцѣляющая раны сердца. Сколько добрыхъ чувствъ въ дитяти родитъ хотя бы его „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ!“ Съ какимъ сердечнымъ трепетомъ юная дѣва прочтетъ, на примѣръ, его романъ Евгений Онѣгинъ! Не одна слеза по бѣдной Танѣ заблеститъ въ глазахъ дѣвы, не разъ съ умиленіемъ подивится она и нѣжности и постоянству ея любви и силѣ чувства въ ней нравственнаго долга. А какъ должно забиться сердце всякаго юноши предъ образомъ Петра Андреевича Гринева, полнаго самыхъ благородныхъ чувствъ, гражданскихъ доблестей и самоотверженной вѣрности царскому престолу! А тѣ чудныя творенія Пушкина, въ которыхъ онъ воспѣлъ Петра Великаго! Что можетъ сильнѣе воспламенить благоговѣніе предъ величіемъ генія — царя — преобразователя! что вызоветъ такое чувство патріотическаго восторга во всякомъ истинномъ сынѣ Россіи!? Но слово мое слабо и блѣдно для выраженія той силы воспитательнаго вліянія на юное сердце и того облагораживающаго впечатлѣнія на всякую не вконецъ очерствѣвшую душу, какое производятъ великія творенія нашего поэта; нужно было явиться у насъ на Руси Гоголю, чтобы достойно изобразить чарующую, волшебную, увлекающую за собой все силу поэтическаго таланта, подобнаго таланту А. С. Пушкина. „Счастливъ писатель“, говоритъ Гоголь, „которому выпалъ удѣлъ изображать характеры, являющіе высокое достоинство человѣка, — вдвойнѣ завиденъ прекрас-

ный удѣлъ его; онъ среди нихъ, какъ въ родной семьѣ, а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упительнымъ куревомъ людскія очи, — показавъ прекраснаго человѣка. Все рукоплеща несется за нимъ и мчится въ слѣдъ за его торжественной колесницей... При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодые пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ. Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ дивный избранникъ Божій! Да, онъ великъ, онъ незабвенъ.

Пѣвецъ любви и красоты давно въ могилѣ; давно сомкнулись его вѣщія уста, но чудные звуки его пѣсень не умерли, — съ годами они все болѣе и болѣе крѣпнютъ, растутъ и наполняютъ великую Русскую землю; и онъ — любящій никогда не умереть, и вѣчно „будетъ онъ любезенъ тѣмъ народу, что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ, что въ свой жестокій вѣкъ возславилъ онъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ“.

А. Колесниковъ.

Пушкинскіе дни въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ г. Полтавы.

Великіе писатели своими произведеніями говорятъ намъ объ умственныхъ силахъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ народнаго духа, пробуждаютъ народное сознаніе и призываютъ насъ къ благороднымъ чувствамъ и возвышеннымъ помысламъ. Такимъ писателемъ въ отечественной литературѣ былъ и остался Пушкинъ.

Пушкинъ весь есть выраженіе не себя только и своего времени, но всего русскаго человѣка со всѣми сторонами духа и быта, по всѣмъ зародышамъ будущаго развитія. Этотъ гениальный русскій человѣкъ любилъ и чтить Россію и все русское не одними устами, но и всѣми способностями

своего богато одареннаго ума, всѣмъ своимъ прекраснымъ сердцемъ. Выраженіемъ этой любви служить вся поэзія Пушкина, въ которой господствуетъ идеально-положительное, созидающее начало: въ ней рядомъ съ отвращеніемъ по злу, звучитъ и свѣтлая любовь ко благу. На его дивныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ съ неподражаемымъ изяществомъ и вѣрностію воплотились наши лучшія чувства и глубоко народныя помыслы, воспитались къ болѣе гуманной жизни наши отцы, воспитались мы сами и будутъ воспитываться наши дѣти и отдаленные потомки. Вотъ объясненіе того единодушія, которое проявили всѣ классы русскаго общества, вся Россія въ дни воспоминанія столѣтней годовщины великаго поэта. Не сказала ли въ этомъ единодушіи потребность въ освѣжающемъ дѣйствіи на душу человѣческую искусства, которое пробуждаетъ въ ней тѣ идеальныя стремленія, безъ коихъ нѣтъ ни серьезной мысли, ни разумнаго общественнаго движенія, но безкорыстной, во имя высокой идеи, дѣятельности?

Если такое дѣйствіе имѣетъ благородная поэзія на душу человѣка съ установившимися взглядами и убѣжденіями, то тѣмъ сильнѣе ея воздѣйствіе должно быть на душу юную, столь чуткую и отзывчивую на все прекрасное, чистое. Вотъ и одна изъ причинъ, почему чествованіе нашего великаго художника сосредоточилось по преимуществу въ школахъ разнаго типа и возраста, среди учащейся молодежи. Пушкинскіе дни были, главнымъ образомъ, школьнымъ праздникомъ.

Такіе дни были и въ нашихъ духовныхъ школахъ г. Полтавы.

Молитвенное воспоминаніе памяти поэта состоялось въ день рожденія его, 26 мая, когда въ домовыхъ церквахъ совершена была заупокойная литургія и панихида по рабѣ Божіемъ Александрѣ. Пушкинскія же собранія происходили разновременно. Прежде всего таковое было въ мужскомъ дух. училищѣ 23 мая, вечеромъ. Послѣ марша Мендельсона

и аріи озъ оперы «Евгеній Онѣгинъ», Чайковскаго, преподаватель русскаго языка Н. О. Фіалковскій прочелъ о жизни Пушкина и уяснилъ, примѣнительно къ пониманію учениковъ, значеніе его для русскаго языка. Затѣмъ чередовались №№ декламаціи учениками избранныхъ стихотвореній Пушкина, пьесъ для хора и оркестра, по преимуществу изъ произведеній чествуемаго поэта. Особеннымъ оживленіемъ отличались музыкальные номера, выполненные училищнымъ оркестромъ. Собраніе, на которомъ присутствовали, кромѣ учениковъ, учащіе съ ихъ семействами, закончилось народнымъ гимномъ, исполненнымъ соединенными силами оркестра и хора.

25 мая, вечеромъ состоялось пушкинское собраніе въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, на которомъ присутствовали воспитанницы и служащіе при училищѣ съ ихъ семействами.

Преподавателемъ русскаго языка А. П. Колесниковымъ прочитано было о Пушкинѣ, какъ воспитателѣ любви ко всему доброму, прекрасному. Программа декламаціи, хороваго пѣнія и музыки (фортепіано, фисгармонія и скрипка) состояла изъ 23 нумеровъ, выполненныхъ воспитанницами, и распалась на два отдѣленія. Для декламаціи избраны были исключительно стихотворенія Пушкина. Вечеръ прошелъ очень оживленно и видимо доставилъ дѣтямъ большое удовольствіе, что выражалось на ихъ улыбающихся, веселыхъ личикахъ.

26 мая въ семинарской церкви совершена была о. Ректоромъ, въ сослуженіи о. инспектора и о. духовника, литургія и послѣ нея панихида. Предъ началомъ послѣдней о. Ректоръ обратился къ воспитанникамъ съ теплымъ словомъ, въ которомъ выяснилъ ту мысль, что Пушкинъ, глубоко любившій Россію и все русское, не могъ не быть сыномъ православной церкви ибо, православіе составляетъ отличительную черту русской національности.

По окончаніи богослуженія и небольшого промежутка времени, назначеннаго для завтрака воспитанникамъ, всѣ учащіеся съ начальствующими и учащими собрались въ залѣ. Послѣ пѣнія пасхальнаго тропаря, хоръ воспитанниковъ исполнилъ гимнъ Пушкину Главача. Затѣмъ преподаватель словесности Г. О. Мартиновичъ прочелъ о «нравственно-патріотическихъ и религіозныхъ идеяхъ Пушкина»; послѣ чего хоромъ воспитанниковъ съ воодушевленіемъ исполнена была кантата Прибика. Собраніе закончилось народнымъ гимномъ.

Такъ прошли въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ пушкинскіе дни, внесшіе нѣкоторое оживленіе въ тяжелое и томительное для учащихся время экзаменовъ.

Г. М.

Необычайное паломничество.

Съ особенно отраднымъ чувствомъ сообщаю о событіи, рѣдкою не только въ нашемъ губерніи, но, кажется, и во всей Россіи, до такой степени поразившемъ очевидцевъ, глубиной и величіемъ своего содержанія, что расскажем о немъ невольно хочется подѣлиться съ читающей публикой.

3-го мая вечеромъ, часовъ около девяти, мы, Козельщане, уже готовившіеся ко снѣ, были поражены мощнымъ гармоничнымъ пѣніемъ, отголоски котораго легкимъ порывомъ нѣжнаго вечерняго вѣтра были занесены въ окна нашихъ жилищъ съ прилегающихъ къ Козельщинѣ полей. Вслушиваясь въ нихъ, я скоро убѣдился, что пѣніе имѣло церковный характеръ. Отголоски замирали гдѣ-то вдали, минутами же совершенно прекращались. Я склонился въ открытое окно и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что вотъ изъ вечерней мглы, уже заслонившей даль окружающихъ обитель полей, вновь понесутся затронувшіе струны моего сердца звуки, вновь

раздается чудное crescendo-diminuendo невидимаго хора, которое заставило встрепенуться Козельщанскихъ обывателей и далеко отогнало сонъ отъ очей ихъ.

И, къ моей великой отрадѣ, ожиданія мои сбылись. Звуки вновь могучимъ порывомъ ворвались въ наши жилища, перелѣтели за стѣны обители и съ протяжнымъ рокотомъ, какъ весенній громъ, покатались по мрачнымъ полямъ. Затѣмъ они стали приближаться, и пѣніе, ясно уже слышимое, раздалось у самыхъ стѣнъ нашей обители: „Радуйся, Радосте наша, избави насъ отъ всякаго зла и утоли наша печали!“ Не смотря на мглу, уже почти совершенно окутавшую землю, съ нѣкоторымъ напряженіемъ можно было замѣтить, благодаря слабому свѣту молодой луны, многочисленные, теряющіеся вдаль, ряды идущихъ по направленію къ нашей обители пѣвцовъ. Ихъ было множество. И неопытный взглядъ могъ опредѣлить количество идущихъ въ нѣсколько сотъ человекъ. Было очевидно, что всѣ идущіе были охвачены однимъ вдохновеніемъ, однимъ религіознымъ восторгомъ и, переполненные напряженныхъ чувствъ, согласнымъ единодушнымъ и гармоничнымъ пѣніемъ возносили ихъ къ небу.

Я вышелъ изъ своей квартиры на дорогу, по которой, какъ предполагалъ я, должны были войти въ обитель такъ внезапно явившіеся неизвѣстные паломники. Они дѣйствительно проходили мимо меня. Но какое ихъ было множество! Откуда Господь привелъ людей этихъ, какъ замѣтно было, очень дружныхъ между собой, чѣмъ то объединенныхъ?

Обитель не была гстова принять такое множество людей, и на этотъ счетъ въ обители начались хлопоты, чтобы поскорѣе размѣстить позднихъ богомольцевъ. Богомольцы, въ ожиданіи размѣщенія, остановились группами на дворѣ. „Откуда вы, добрые люди?“ спросилъ я, подойдя къ одной группѣ. — „Изъ Шиловки,“ откликнулись нѣсколько голосовъ.

„Сколько же васъ пришло, и кто васъ привелъ?“ — „Насъ много, больше четырехъ сотъ“, отозвался одинъ молодой голосъ, а привелъ насъ батюшка!“ — «А какъ далеко вы отсюда живете?» продолжалъ я. — «Сорокъ три версты! бодро отвѣтчалъ тотъ же голосъ — и батюшка все время шель съ нами! Мы шли крестнымъ ходомъ и съ пѣніемъ!» И въ голосѣ говорившаго вдругъ послышалась еле сдерживаемая нотка сильнаго душевнаго удовольствія, сознанія подвига. Въ словахъ его звучало столько радости, столько удовлетворенія, торжества духа надъ изнуреннымъ тѣломъ, что я почувствовала, какъ и въ моемъ существѣ родилось нѣчто возвышенное, какъ взыгралась моя душа отъ притока лучшихъ чувствъ, и въ сердцѣ разлилась какая то теплота. — Такъ вотъ вы какъ! въ изумленіи могъ только я сказать и готовился дать еще много вопросовъ, но въ это время подошли изъ монастыря сестры и стали приглашать пришельцевъ идти въ отведенныя для нихъ помѣщенія. Я ушелъ не освѣдомленный обо всемъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Но мысли о такомъ необыкновенномъ поломничествѣ почти цѣлымъ „приходомъ“ не оставляли меня въ этомъ вечеръ такъ же, какъ и всѣхъ Козельщанскихъ обывателей. Тронули каждого изъ насъ сила благочестія этихъ людей, удивительное единодушіе и согласіе ихъ между собой въ благомъ дѣлѣ, рѣдкая и крѣпкая духовная связь ихъ съ своимъ пастыремъ-священникомъ, которая заставила ихъ идти за нимъ. Долго не могъ я заснуть, возбужденный этимъ событіемъ. Величіе и слава вѣры паломниковъ нашли откликъ въ глубинахъ моего религіознаго міра. Они воскресили во мнѣ давно пережитыя въ дѣтствѣ ощущенія, отличавшіяся свѣжестью и чистотой, они заставили биться мое сердце такими же трепетными чувствами, какъ билось оно въ далекіе дни душевной чистоты, непорочности мысли и дѣтской безусловной вѣры.

На другой день я увидѣлся и со священникомъ, личность

котораго меня очень заинтересовала. Его зовутъ о. Автономъ Коваленко. Я очень хорошо помню его по семинаріи. Священствуетъ онъ лѣтъ шесть. Въ Шиловкѣ же, въ которой теперь находится, два года. Я спрашивалъ его, по какому обстоятельству, и какъ устроилось благочестивое путешествіе съ пасомыми. О. Автономъ скромно мнѣ передалъ, что онъ имѣлъ намѣреніе совершить путешествіе въ Козельщанскую обитель съ учениками своей церковно-приходской школы. И вотъ на другой день послѣ окончанія занятій въ школѣ онъ объявилъ въ храмѣ родителямъ учащихся, чтобы они снабдили своихъ дѣтей нѣкоторыми съѣстными запасами на дорогу, а также и нѣкоторой суммой денегъ. Затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ вообще о святости и духовной пользѣ благочестивыхъ путешествій къ святынямъ, о великомъ значеніи ихъ для нашего нравственнаго усовершенствованія а, слѣдовательно, и для спасенія души. Въ концѣ своей бѣседы о. Автономъ предложилъ идти со школьниками и ихъ родителямъ и всѣмъ вообще изъ прихожанъ, кто пожелаетъ. На другой день, въ который было рѣшено идти въ Козельщину, возлѣ квартиры о. Автонома собрались не одни школьники, коихъ было всего тридцать восемь душъ, но и взрослые мужики и бабы, числомъ около трехсотъ человѣкъ.

Увидѣвъ такое множество желающихъ отправиться въ благочестивый путь, о. Автономъ рѣшилъ придать этому шествію болѣе торжественный и умилительный характеръ. Были взяты изъ храма кресты, хоругви и небольшая икона Козельщанской Божіей Матери. И вотъ паломники при колокольномъ звонѣ крестнымъ ходомъ тронулись въ путь. Все село собралось проводить идущихъ и съ крестнымъ знаменіемъ долго слѣдило за торжественной процессіей.

Трогательнъ разсказъ о. Автонома о дальнѣйшемъ путешествіи. Многочисленнымъ паломникамъ пришлось проходить

черезъ три села и многіе хутора. Съ изумленіемъ, благоговѣніемъ и восторгомъ встрѣчали ихъ селяне и хуторяне. Путники заходили въ церкви, служили молебны; священники окропляли ихъ святой водой. Въ одномъ селеніи путниковъ встрѣтили тоже крестнымъ ходомъ. Вездѣ дорогой выбѣгали на встрѣчу поселяне, крестьясь и подавая на колѣни. Многіе изъ нихъ давали идущимъ деньги на молитвы, обвязывали кресты и хоругви полотенцами... Отъ полноты чувствъ плакали и встрѣчающіе и встрѣчаемые. По дорогѣ къ идущимъ пристало еще около ста душъ паломниковъ изъ селъ и деревень, и такимъ образомъ ихъ пришло въ обитель около четырехсотъ человекъ. Поздно вечеромъ путники достигли обители и, замѣтивъ ее издали, начали пѣть пѣснь Богородицѣ, такъ взволновавшую насъ, Козельщанъ. Они истомились за длинный путь, какъ послѣ и мыѣ рассказывали, голоса ихъ устали, такъ какъ много пѣли дорогой; но когда стали приближаться къ обители, гдѣ взяли силы и голоса! Пѣли почти все идущіе, и взрослые и маленькіе, изучивъ нетрудный напѣвъ дорогой и дружно спѣвши межъ собой. Вотъ почему насъ, слышавшихъ это пѣніе, поразила мощь и выразительность его. Очевидно, въ этомъ пѣніи вылилась вся душевная взволнованность поющихъ, вся, накопившаяся годами, религіозная неудовлетворенность. Пѣли и ликовали ихъ души, трепетало и радовалось все ихъ существо.

Съ любовію и растроганная приняла паломниковъ обитель. Для нихъ отвели особыя помѣщенія, имъ давался столъ отъ монастыря, поили ихъ чаемъ. Матушка Шуменія, желая познакомиться съ священникомъ-иниціаторомъ благочестиваго подвига, пригласила его къ себѣ со всеміи школьниками, которыхъ одарила крестиками и иконками, а также и гостинцами. Она заставляла дѣтей пѣть нѣкоторые священныя пѣснопѣнія и съ наслажденіемъ слушала ихъ. Паломники

говѣли въ обители и, присутствуя на молебныхъ пѣніяхъ Богородицѣ, трогали до слезъ и сестръ монастыря и вообще богомельцевъ своимъ прочувствованнымъ общимъ пѣніемъ нѣкоторыхъ пѣснопѣній Пресвятой Владычицѣ.

На третій день они пошли въ обратный путь опять же крестнымъ ходомъ и при колокольномъ звонѣ. Они унесли съ собою новую даровую святыню, прекрасную икону Козельщанской Божіей Матери, которую приобрѣли тутъ же, въ обители, за сто тридцать рублей—тоже по инициативѣ своего священника. Взирая любовными и чрезвычайно довольными глазами на свою новую икону, они, казалось, съ большимъ еще воодушевленіемъ пѣли: „Радуйся, Радосте наша, избави насъ отъ всякаго зла и утоли наша печали“. Съ этой молитвой вышли паломники изъ обители. Долго еще слышались замиравшіе, а иногда вдругъ дѣлавшіеся сильнѣе какъ бы отъ прилива новой невѣдомой силы, воодушевлявшей пѣвцовъ, звуки божественной пѣсни.

Счастливымъ вамъ путь, добрые христіане! Вашъ подвигъ послужилъ не только въ спасеніе вамъ. Нѣтъ сомнѣнія, много свѣтлыхъ мыслей, много добрыхъ чувствъ зародилось въ душахъ вашихъ у Чудотворнаго образа Матери Божіей. Минуты религіозныхъ восторговъ, божественнаго воодушевленія дадутъ иной поворотъ образу мыслей и желаній многимъ изъ васъ, но и для насъ, Козельщанъ, а наипаче для затерянныхъ въ степи селянъ и хуторянъ ваше христіанское шествіе было событіемъ глубокаго и великаго значенія. Вы влили много силы вѣры въ насъ, вы заставили пережить много святыхъ минутъ каждаго изъ насъ. Многіе изъ поселянъ и хуторянъ, видѣвшихъ ваше шествіе, оторвались мыслию отъ всеневныхъ заботъ, отъ суеты жизни и вознеслись хоть на нѣсколько минутъ въ міръ иныхъ желаній. Не у одного, встрѣтившаго васъ, дрогнуло сердце отъ умиленія и ожившей въ немъ вѣры. И не мало добрыхъ

мыслей пронеслось въ его головѣ, а, пожалуй, въ тотъ день подь живымъ впечатлѣніемъ было сказано и доброе слово и, быть можетъ, сдѣлано доброе дѣло.

Ваше шествіе, добрые паломники, напомнило мнѣ весеннюю тучу, которая, проходя, оставляетъ за собою зазеленѣвшія, освободившіяся отъ пыли, поля, блестящія листья на кустахъ и деревьяхъ и благовонный чистый воздухъ. Не то ли же оставили и вы за собою въ душахъ людей, видѣвшихъ васъ?

Но туча прошла и, спустя нѣсколько дней, вновь покрываются пылью поля, листва на деревьяхъ теряетъ свѣжесть красокъ, воздухъ лишается ароматичности.

Дай же, Господи, чтобы такія благодѣтельныя и живительныя тучи чаще проходили чрезъ наши села и деревни и дарили ихъ свѣжестью и благоуханіемъ!

Священникъ *Теодоръ Зубковскій*.
